

дуглас
КЕННЕДИ
ЖАР ПРЕДАТЕЛЬСТВА

КЛАССИКА **КЖ** ЖАНРА

Дуглас Кеннеди

Жар предательства

Серия «Классика жанра»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27428080

Жар предательства: РИПОЛ классик; М.; 2017

ISBN 978-5-386-09917-6

Аннотация

Автор мировых бестселлеров, признанный мастер захватывающих романов, Дуглас Кеннеди отправляет читателя в головокружительное путешествие.

Робин знала, что ее муж Пол не идеален. Но он сказал: им крупно повезло, что они нашли друг друга. И она в это поверила. Он умный, страстный, талантливый. Или она хотела так думать. Отправляясь с мужем в Марокко, Робин уверена, что она наконец-то сможет забеременеть.

Но внезапно идиллическому и спокойному существованию приходит конец. Номер, в котором они остановились, разгромлен, повсюду пятна крови, а Пол исчез, оставив записку со словами «Я должен умереть».

Робин попадает под подозрение полиции, и все в ее жизни меняется.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	19
Глава 4	44
Глава 5	58
Глава 6	83
Глава 7	90
Глава 8	110
Глава 9	125
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Дуглас Кеннеди

Жар предательства

© Douglas Kennedy 2015 This edition is published by arrangement with Aitken Alexander Associates Ltd. and The Van Lear Agency

© Новоселецкая И. П., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, перевод на русский язык.
ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2016

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2017

* * *

И это тоже посвящается Кристине

*Ставь парус, мрачная команда;
Пускай кренится оком;
Мы знаем зло; в нас проку нет,
В умах разлад, и в душах тленье,
И жизней храм пошел на слом —
Но в яде съищем исцеленье.*

Луис Макнис (из стихотворения «Таласса»)¹

---

¹ В переводе Люпуса.

Глава 1

Забрезжил рассвет. И я уже не могла сообразить, где нахожусь.

За окном – небо, купол проступающей голубизны. По краям внешний мир пока еще не обрел ясных очертаний. Я попыталась сориентироваться в пространстве, определить точное географическое положение того места, где я нахожусь. Понемногу прихожу в себя. Что-то вспоминается, несколько важнейших фактов.

А именно:

Я в самолете. В самолете, который всю ночь летел над Атлантикой. Самолет направляется в угловую часть Северной Африки, в страну, которая на карте напоминает кипу² на макушке континента. Судя по информации, высвечивающейся на экране в спинке кресла передо мной, до нашего пункта назначения оставалось семьдесят три минуты, восемьсот сорок два километра (я ведь летела в зону метрических единиц). В это путешествие я отправилась не по собственной инициативе. Скорее поддалась на уговоры человека – рослого мужчины (метр девяносто три), чье крупное тело было втиснуто в узкое кресло рядом с моим, зажатом между двумя соседними сиденьями. Это был не самолет, а настоящий

---

² Кипа – маленькая круглая шапочка (вязаная или сшитая из ткани), прикрывающая макушку.

кошмар: ноги не вытянуть, лишний раз не повернуться, ни одного свободного места, шесть – никак не меньше – орущих младенцев, муж с женой, которые постоянно пререкались на арабском, отвратительная вентиляция, система кондиционирования еще хуже, пластмассовая еда на ужин, очередь в туалет – на целый час, смрад потных тел, распространившийся ночью по салону, который больше был похож на свинарник. Слава богу, что я заставила Пола взять с собой «зопиклон», от которого клонит в сон даже в самых невыносимых условиях. Стараясь не думать о вреде лекарственных препаратов, я попросила у Пола таблетку снотворного и на три часа забыла о неудобствах нашего душного высотного карцера.

Пол. Мой муж. Мы поженились относительно недавно – всего три года назад. Скажу честно: мы любим друг друга. Любим страстно. И часто говорим себе, как же нам необычайно повезло, что пути наши пересеклись. И я искренне в это верю, ведь Пол был предназначен мне самой судьбой. Верю так же, как в тот день, когда мы официально оформили наши отношения, поклявшись быть вместе до самой смерти, и я мысленно убеждала себя, что сумею отучить Пола от некоторых его пагубных привычек, что со временем ситуация улучшится, стабилизируется. Тем более что теперь мы пытаемся завести ребенка.

Пол вдруг ни с того ни с сего стал бормотать во сне, все громче и громче. Когда наш сосед – пожилой мужчина,

спавший в очках с затемненными стеклами, – зашевелился, потревоженный его возбужденной бессвязной болтовней, я тронула мужа за руку, пытаясь вывести его из кошмарного забытья. Он продолжал беспокойно вскрикивать и наконец, резко открыв глаза, ошалело уставился на меня, будто видел впервые в жизни.

– Что... где... я не...?

Ошеломление в его лице внезапно сменилось детской растерянностью.

– Я заблудился? – спросил Пол.

– Вряд ли, – ответила я, беря мужа за руку. – Тебе просто приснился страшный сон.

– Где мы?

– В самолете.

– А куда летим?

– В Касабланку.

Это известие, казалось, его удивило.

– А зачем мы туда летим, Робин?

Я поцеловала его в губы. И предположила:

– Наверное, за приключениями?

Глава 2

Судьба вплетена в мелодию случайностей. Нечаянная встреча, импульсивное решение... и вдруг судьба начинает двигаться по собственной траектории, довольно интересной. Именно судьба привела нас в Касабланку.

Уже светилась табличка «Пристегните ремни». Все столики были убраны. Спинки кресел приведены в вертикальное положение. От перепадов давления у многих пассажиров закладывало уши, в салоне тут и там плакали дети. Две мамы – с укутанными в чадры лицами – тщетно пытались успокоить своих малышей. Один из них, таращась на спрятанное под материей лицо, кричал лишь сильнее. Представьте, что вы, оказавшись среди незнакомых людей, в непривычной обстановке, не видите лица матери. Дома она вся на виду, но за его стенами в прорези платка можно разглядеть лишь глаза и еще под тканью – контур губ. Разве для маленького ребенка, который внезапно проснулся от боли в ушах, вызванной перепадом давления в самолете, это не повод, чтобы зайтись криком?

– Милые крошки, – прошептал Пол, закатывая глаза.

Я обхватила его ладонь своей, сказав:

– Скоро уже приземлимся.

Как бы я хотела, чтобы рядом с нами сидела наша собственная «милая крошка».

Пол вдруг обнял меня и спросил:

– Ты все еще любишь меня?

Я крепче стиснула его руку, зная, что он жаждет подтверждения.

– Конечно.

Три года назад, когда он впервые вошел в мой кабинет, я тотчас же поняла, что это любовь. *Coup de foudre*³. Так, кажется, говорят французы? Мгновенно охватывающее ошеломляющее ощущение, что ты встретил настоящую любовь – человека, который изменит всю твою линию жизни, потому что тебе известно...

Что конкретно?

Неужели это от любви меня буквально закачало? В тот момент я так и думала.

Позвольте объяснить еще раз. Со всей правдивостью.

В Пола Лейена я влюбилась с первого взгляда. Позже он признался мне, что, к своему удивлению, тоже почувствовал, что его «*raison d'être*⁴ наполнился новым содержанием», едва он ступил в мой кабинет.

В этой фразе – весь Пол. Он любил приукрасить свою речь, что меня до сих пор умиляло, если он, конечно, не перегибал палку. Своим образным языком он словно восполнял отсутствие замысловатости в скупых, строго выверенных линейных рисунках, которые некогда прославили его

---

³ *Coup de foudre* – здесь: любовь с первого взгляда (*фр.*).

⁴ *raison d'être* – здесь: смысл существования (*фр.*).

как художника. Этот его талант, которому с недавних пор мешает реализоваться неверие Пола в собственные силы, не устает меня поражать.

В общем, Пол тоже влюбился с первого взгляда в меня – в женщину, к которой его направили, чтобы я помогла ему устранить беспорядок в его финансовых делах.

Совершенно верно, я – бухгалтер. Счетовод. Человек, выступающий посредником между вами и нашими друзьями из налогового управления.

Обычно считается, что бухгалтеры, как и стоматологи, в душе ненавидят свою профессию. Но я знаю немало бухгалтеров наивысшей квалификации, и большинство из них – от рядовых счетоводов до птиц высокого полета, ворочающих финансами корпораций, – обожают свою работу.

Мне моя профессия определенно нравится. А ведь я ступила на бухгалтерско-налоговую стезю, когда мне было «за тридцать». Ни от одного ребенка не услышишь: «Хочу стать бухгалтером». Это все равно что мчаться, нестись по большой дороге – и вдруг свернуть на колею, которая кажется заезженной и скучной. Но потом, к своему удивлению, обнаруживаешь, что в ней есть своя загадочная притягательность, свое уникальное восприятие человеческих судеб. Деньги – это та линия разлома, на которой мы выписываем пируэты. Покажите мне сумму совокупного дохода человека, и я составлю целостную картину его бесконечных сложностей: его желаний и устремлений, его демонов и страхов.

– Вот вы просматриваете мою финансовую отчетность. Что эти цифры говорят вам обо мне? – спросил Пол.

Прямо в лоб. Причем флиртующим тоном. Хотя в ту пору, когда был задан этот вопрос, он считался пока еще потенциальным клиентом, у которого в бухгалтерских книгах сплошная неразбериха. Проблемы с налоговой инспекцией у Пола были серьезные, но решаемые. С жалованья, что он получал в университете штата, подоходный налог удерживался сразу. Сложнее обстояло дело с доходами от продажи его рисунков, которые у него зачастую покупали за наличные, а ему ни разу и в голову не пришло заплатить с них налог. Общая прибыль от продажи произведений искусств была относительно скромная – около 15 000 долларов в год, – но за десятилетний период сумма облагаемого налогом дохода скопилась значительная, что, разумеется, заметил некий ушлый налоговый инспектор, потребовавший, чтобы Пол задекларировал ее и погасил задолженность. Аудиторская служба провела проверку финансовой отчетности Пола, и бухгалтер маленькой местной фирмы, услугами которой он пользовался последние десять лет, в страхе умыл руки, едва на горизонте появились представители налогового управления. Он посоветовал своему клиенту обратиться к специалисту, имеющему опыт переговоров с налоговиками. И порекомендовал меня.

Однако проблемы Пола не ограничивались только сокрытием доходов. Он не умел вести учет текущих расходов, от-

чего ему вечно не хватало «живых» денег. Его главным пороком была страсть к хорошему вину и книгам. В глубине души я восхищалась людьми со столь легкомысленным подходом к жизни: имея квартальную задолженность перед компанией по электроснабжению, он преспокойно мог выложить 185 долларов за бутылку «Помероля» 1989 года. Для работы над своими гравюрами он выбирал самые лучшие угольные и графитовые карандаши французского производства, а на одни только эти принадлежности в год уходило шесть тысяч долларов. Во время отпуска, отдыхая на юге Франции, Пол жил в гостевом домике одного своего друга, близ средневековой деревушки Эз, и это ничего ему не стоило. Зато, потакая своим гастрономическим пристрастиям, он с легкостью потратил десять тысяч на питание.

В общем, при первом знакомстве Пол произвел на меня впечатление человека, которому – в отличие от всех нас – благополучно удастся избежать серости будничного существования. А я всегда мечтала полюбить художника.

Нас часто влечет то, что отличается от нашей собственной природы.

Возможно, Пол – худой, как палка, художник под два метра ростом, с длинными седыми волосами, в черном кожаном пиджаке и черных джинсах, в черной куртке с капюшоном и высоких кроссовках фирмы «Конверс»⁵ – олицетворял для

---

⁵ «Конверс» (Converse) – амер. компания, производящая обувь с начала XX в. Наиболее известна своими кедами «Chuck Taylor All-Stars». Контролируется

меня возможность перемен, избавления от рутины, в которую превратилась моя жизнь.

В ходе нашей первой деловой встречи Пол в шутку сравнил состояние своих финансовых дел с одной из картин Джексона Поллока⁶, добавив, что он – живое воплощение французского слова «bordélique». После встречи я посмотрела его перевод в словаре и выяснила, что оно означает «бардак», «беспорядок». А еще меня подкупило то, как Пол извинялся за свои «финансовые нелепицы» и говорил, что ему нужен человек, который приструнит бы его и «сделал из него нормально функционирующего взрослого».

– Цифры выявят всю вашу подноготную, – ответила я тогда.

И цифры сообщили мне, что у Пола Лейена большой долг, который постоянно растет. Я была с ним откровенна.

– Вы любите жить на широкую ногу. А ситуация такова: ваш доход, который вы получаете, работая в университете штата, составляет – после выплаты всех федеральных и региональных налогов – около пятидесяти тысяч в год. Свой дом вы закладывали дважды. Если налоговое управление настоит на своем, вам выставят счет в размере шестидесяти тысяч плюс штрафы. И поскольку накоплений у вас фактически нет...

компанией «Nike». Компания основана в 1908 г.

⁶ Пол Джексон Поллок (1912–1956) – амер. художник, идеолог и лидер абстрактного экспрессионизма, оказавший значительное влияние на искусство второй половины XX в.

– То есть, по вашим словам, положение мое катастрофическое.

Пол произнес это с улыбкой, с жизнерадостностью озорника, который признает свое безрассудство и потребность нарываться на неприятности. Эта улыбка была мне хорошо знакома. Точно так улыбался мой отец, в котором сочетались обаяние, остроумие и абсолютная неспособность обеспечивать оплату своих счетов. Он по натуре был предприниматель, прожектер, который вечно порхал с одного места работы на другое, пытаясь претворить в жизнь свой очередной план быстрого обогащения. В моем отрочестве по его милости мы с мамой пять раз переезжали из города в город, потому что отец находился в постоянном поиске очередной руководящей должности, очередного «хлебного места», которое наконец-то обеспечит нам «сладкую жизнь» (его любимое выражение). Но колесо фортуны не поворачивалось в его сторону, манна небесная на него не сыпалась. В каждом новом местечке, куда мы переезжали, мама находила работу медсестры по уходу за больными престарелого возраста, так что немощь и дряхлость были ее вечными спутниками. Она грозилась бросить отца каждый раз, когда он снова терпел неудачу и нес финансовые потери, что заставляло нас перебираться в другой город, где нам опять приходилось снимать новое жилье и мне – идти в новую школу. Но чувство непреходящей неопределенности уравновешивала уверенность в том, что отец меня любит, а я сама его просто

обожаю. Скупостью он не отличался, и, если у него водились деньги, он неизменно баловал меня и маму. Бог свидетель, абсурдный оптимизм отца мне импонировал больше, чем не столь радужное мировосприятие матери, хотя я понимала, что ее прагматизм куда как реалистичнее. Когда отец скоропостижно скончался от сердечного приступа – я тогда только-только, еще недели не прошло, начала учебу в Университете штата Миннесоты, – я была раздавлена горем. Мама, сообщая мне печальное известие по телефону, свою боль скрывала за суровым спокойствием.

– Он оставил завещание. Тебе достались его часы «Ролекс» – единственная вещь, которую он не заложил, наряду с обручальным кольцом. Но не надо по нему горевать. Никто – ни ты, ни я – не смог бы спасти твоего отца от самого себя.

Но я все равно плакала – и в ту первую ночь, и в последующие. После смерти отца мы с мамой стали отдаляться друг от друга. Несмотря на то что именно она всегда оплачивала счета и каким-то чудом обеспечивала нам крышу над головой (и не раз), особой любви по отношению к себе с ее стороны я никогда не чувствовала. Я по-прежнему проводила с ней большую часть каникул, потом отпуска, обязательно раз в неделю звонила ей – в общем, справно исполняла свой дочерний долг. И взяла на вооружение ее строгие принципы в том, что касалось финансовой стабильности – не сори деньгами, откладывая на черный день, – хотя руководствовалась ими в своем собственном ключе. Но когда, несколько лет на-

зад, я начала встречаться с Полом и в один прекрасный день познакомила его с мамой, она, оставшись со мной наедине, с присущей ей прямоотой заявила:

– Наконец-то ты выходишь замуж за своего отца.

– Ты несправедлива, – сказала я. У меня аж голова закружилась от ее оскорбительного замечания, словно она залепила мне пощечину.

– Правда всегда несправедлива. И если мои слова заставляют тебя думать, что я, как обычно, бессердечна, пусть будет так. Не пойми меня неправильно – дело не в том, что Пол, на мой взгляд, не обаятелен. Напротив, он – само обаяние. Для мужчины, который на восемнадцать лет старше тебя, он находится в неплохой форме, хоть и одевается как хиппи, как будто только что из Вудстока⁷. И все же он не лишен привлекательности. И ты, конечно, страдала от одиночества, с тех пор как от тебя ушел Дональд.

Дональд был моим первым мужем – и конец нашему трехгодичному браку положила я, о чем маме было хорошо известно.

– Это я ушла от Дональда, – возразила я, слыша себя будто со стороны.

– Потому что он не оставил тебе выбора. И тебя это убило. А теперь ты связалась с человеком, который гораздо старше

---

⁷ Вудсток (Woodstock) – городок в штате Нью-Йорк, где в 1969 г. состоялся фестиваль рок-музыки, на котором собралось ок. 400 тыс. молодых людей. Массовое скопление молодежи с превалированием хиппи породило понятие «вудстокская нация» для обозначения контркультуры конца 1960-х гг.

тебя и такой же безответственный, как твой отец, и...

– Пол вовсе не такой безответственный, как ты думаешь.

– Время покажет.

Мама. Она умерла год назад – у нее внезапно случился инсульт, и она скоропостижно скончалась в возрасте семидесяти одного года.

В салоне ощущалась турбулентность. Я посмотрела в иллюминатор. Самолет пытался прорваться сквозь облака и, немного покачиваясь, шел на посадку. В какой-то момент, при особенно опасном крене, наш сосед, сидевший у прохода, зажмурился.

– Думаешь, пилот знает, что делает? – шепотом спросил у меня Пол.

– У него наверняка есть жена и дети, которых он хотел бы увидеть.

– Или нет.

Мы вошли в зону грозового фронта, и следующие пять минут наш самолет был подобен боксеру-профессионалу, вступившему в неравный бой с более сильным противником: его подбрасывало и трясло от сыплющихся со всех сторон ударов воздушных потоков. Дети завопили громче. Несколько женщин с закрытыми лицами принялись причитать. Наш сосед по-прежнему сидел зажмурившись, шевеля губами в беззвучной молитве.

– Представь, что сейчас все кончится, – сказал Пол. – О чем бы ты думала?

– Мертвые не думают.

– Но, скажем, за мгновение до смерти. О чем бы ты подумала в последний момент?

– Твои вопросы призваны отвлечь меня от мысли, что наш самолет может разбиться? – сыронизировала я.

Пол рассмеялся, но в следующую секунду смех застыл на его губах, потому что самолет сильно потрянуло и он резко устремился вниз, как при свободном падении. Я так крепко вцепилась в подлокотники кресла, что, казалось, костяшки пальцев вот-вот проткнут кожу. Я сидела, плотно стиснув веки, пока внезапно болтанка не прекратилась и в салоне не стих ор: мы продрались через вихревые потоки. А спустя несколько секунд под нами побежала взлетно-посадочная полоса.

Я открыла глаза. Пол, с побелевшим, как мел, лицом, все еще сжимал подлокотники кресла. Мы взялись за руки, и мой муж произнес:

– Вот мне интересно... а не ошибка ли все это?

Глава 3

Иммиграционный зал в Касабланке. Упорядоченный хаос. Сотни новоприбывших выстроились в две очереди: в одной – марокканцы, во второй – все остальное человечество. Казалось, здесь представлены все исторические эпохи – от Средневековья до нашего современного компьютерного мира, опутанного паутиной киберпространства. Всюду одетые с иголки бизнесмены и женщины, как минимум половина из них – в итальянских костюмах, с черными айфонами – из Северной Африки. Есть и туристы, путешествующие дикарями, – все молодые, двадцати с чем-то лет, неопрятные и как будто в прострации, плятятся на костюмы с насмешливым недоумением на лицах. Прямо передо мной – сухопарый мужчина в пыльном коричневом костюме, с почерневшими от курения зубами; в правой руке у него проездной документ, выданный в Мавритании.

– В Мавритании какая столица? – спросила я Пола.

– Нуакшот, – ответил он без заминки.

– Вот это эрудиция! – восхитилась я.

– Эта очередь – сущее безумие. Тридцать три года назад, когда я последний раз был здесь, компьютеры не проверяли – тогда еще мир не охватила паранойя.

– Дзен, дзен, дзен, – произнесла я, поглаживая мужа по лицу.

– Мы в аэропорту Касабланки, а не в буддистском убежище.

Я рассмеялась. Но Пол все переступал с ноги на ногу, вытанцовывая на месте фугу нетерпения и беспокойства.

– Давай вернемся домой, – внезапно заявил он.

– Шутишь?

– Нет.

Молчание. Я напряглась всем телом. Спросила:

– И как ты себе это представляешь?

– Сядем на ближайший рейс.

– Ты это не серьезно.

– Отнюдь. Зря мы сюда прилетели.

– Это ты из-за очереди?

– Интуиция подсказывает. Велит, чтобы мы вернулись домой.

– Хотя раньше твоя интуиция велела тебе лететь сюда?

– Ты на меня злишься.

– Хочешь вернуться домой, давай вернемся.

– Если вернемся, ты будешь считать меня неудачником.

– Я никогда не считала тебя неудачником, любимый.

– Я же понимаю, что я для тебя обуза.

Обуза. Именно это слово зазвучало у меня в голове, когда я обнаружила несколько недель назад, что Пол в очередной раз влез в огромные долги, несмотря на обещание, данное мне много месяцев назад, умерить свой пыл и не тратить деньги направо и налево. Как-то в пятницу примерно в

шесть часов вечера к нам в дом постучали. На пороге стоял представитель коллекторского агентства, изъявивший желание пообщаться с Полом Лейеном. Я объяснила, что в данный момент мой муж в тренажерном зале.

– А вы, значит, миссис Лейен? Тогда вам, должно быть, известно, что ваш супруг задолжал шесть тысяч четыреста долларов Обществу виноделов.

Я утратила дар речи. Когда Пол успел закупить столько вина и почему я не видела в доме ни одной бутылки? Коллектор объяснил, что Общество виноделов направило моему мужу десяток писем с требованием «обсудить» сумму долга, скопившегося за два с лишним года. и вот их терпение лопнуло. Если счет не будет оплачен незамедлительно, они подадут судебный иск, и, возможно, на наш дом будет наложен арест.

Вместо того чтобы пойти и взять чековую книжку (как я это уже делала раньше несколько раз), я просто сказала:

– Мой муж сейчас в тренажерном зале «Голде» на Мэнор-стрит, в пяти минутах езды отсюда. Попросите персонал, чтобы его пригласили, – его там знают. И...

– Но вы могли бы прямо сейчас уладить этот вопрос.

– Могла бы, но не буду. Вам необходимо переговорить непосредственно с моим мужем.

Повторив адрес тренажерного зала, я извинилась и закрыла дверь. Как только коллектор укатил прочь, я прошла в нашу спальню и собрала небольшую дорожную сумку, а потом

позвонила своей давней соседке по комнате Рут Ричардсон, с которой мы вместе учились в университете (теперь она жила в Бруклине), и спросила, не позволит ли она мне несколько дней поспать на ее раскладном диване. Затем, оставив Полу записку – «Вернусь во вторник поздно вечером. Долг за вино к моему возвращению должен быть уплачен», – села в машину и пустилась в семичасовое путешествие на юго-восток, до города, который я не теряла надежды однажды назвать своим. Мобильный телефон я отключила и следующие четыре дня пыталась не досаждать Рут, изливая ей коктейль раздражающих меня эмоций – гнева, чувства вины и уныния. Рут – преподаватель английского языка и литературы в Бруклинском колледже⁸, разведенная, бездетная, разочаровавшаяся в любви, ироничная и потрясающе образованная женщина («Высокое искусство – извинение Господа за то, что Он создал мужчин», – любила повторять она), – как всегда, проявила себя замечательной подругой. Она укрепила мою первоначальную решимость, когда я сказала, что мне, пожалуй, стоит позвонить Полу, узнать, как он справляется.

– Когда он в прошлый раз наделал долгов, как ты поступила? – спросила она.

– Взяла десять тысяч из своих пенсионных накоплений, чтобы вызволить его из беды.

– Что он тебе пообещал?

---

⁸ Бруклинский колледж (Brooklyn College) – один из колледжей Городского университета Нью-Йорка. Расположен в Бруклине (Нью-Йорк). Основан в 1930 г.

– Ты и сама прекрасно знаешь. Признал, что он жалкий патологический транжира... и поклялся сдерживать свои порывы.

– Его порывы разрушают ваш брак. И это все очень печально. Тем более что Пол мне симпатичен.

– И я безумно его люблю, несмотря на эту его дурную привычку. Ему до сих пор удается сместить меня. Он увлеченный, любознательный человек, яркая личность. До сих пор считает меня сексуальной – по крайней мере, так мне всегда говорит.

– Все еще пытаетесь зачать ребенка?

– Конечно.

Три года назад, когда я встретила Пола, мне было тридцать семь лет. Первые полгода знакомства мы признавались друг другу в любви и обсуждали восхитительные перспективы нашего совместного будущего. Однажды я деликатно намекнула, что не хотела бы умереть бездетной, а я уже вступаю в ту возрастную фазу, когда материнство станет в принципе для меня невозможно. Я знала, что давлю на него, и сказала, что прекрасно пойму, если Пол сочтет, что я слишком тороплю события. Его ответ меня поразил.

– Когда встретил любовь всей жизни, разумеется, хочешь, чтобы она родила тебе ребенка.

Да, Пол был большим романтиком. Столь глубоко романтической натурой, что вскоре сделал мне предложение, хоть я и предупреждала, что, побывав один раз замужем, не тороп-

люсь снова вступить в брак. Но, пребывая в эйфории оттого, что я нашла свою любовь, в моем-то возрасте, в лице столь талантливого оригинала, да еще в Буффало – это ж такое чудо! – я ответила согласием. Правда, Пол сказал, что до того, как мы станем родителями, какое-то время нам нужно просто пожить для себя, хотя конечно же он понимает, что часики тикают. На эту его просьбу я тоже ответила согласием и до минувшей осени принимала противозачаточные препараты. А с осени мы начали серьезно «пытаться» (слово-то какое!) зачать ребенка. И активно принялись за дело, хотя уж с чем-чем, а в плане интимной близости у нас с ним никогда проблем не было. Нам не требовалось как-то мотивировать себя для того, чтобы каждый вечер заниматься сексом.

– Знаешь, раз уж мне не удастся забеременеть естественным путем, есть ведь другие способы, – сказала я мужу спустя полгода тщетных стараний.

– Ты забеременеешь.

– Ты так уверен?

– Обязательно.

Этот разговор состоялся за десять дней до визита представителя коллекторского агентства. Отключив телефон, я ехала на юг, в Бруклин, в глубоком унынии, которое усугубляло осознание того, что Пол – мой последний шанс стать матерью. И эта мысль...

Рут плеснула в мой бокал еще немного вина, я сделала большой глоток.

– Он – не последний твой шанс, – заметила она.

– Я хочу ребенка от Пола.

– Серьезное заявление.

Дружба – сложное равенство, особенно дружба между людьми, которые с самых первых дней решили никогда не лицемерить друг перед другом и всегда говорить только то, что думают.

– Я не хочу быть матерью-одиночкой, – сказала я. – Если мне удастся убедить его в том, что у него есть определенные обязательства...

– У Пола еще до тебя были проблемы с деньгами. Хотя ты и пытаешься навести порядок в его личных финансах, он отказывается играть по правилам. В пятьдесят восемь лет он уже вряд ли прозреет и захочет измениться. Он такой, какой есть. В связи с чем возникает вопрос: сумеешь ли ты мириться с его неиссякаемым сумасбродством?

Всю дорогу домой этот вопрос не давал мне покоя. Жизнь, говорят, великий учитель. Но только если мы действительно готовы не поддаваться иллюзиям и самообману.

Однако любовь застит глаза. А без любви жизнь подобна балансовым ведомостям, которые я изучаю каждый будний день: слишком конкретная, слишком разумная. За сумасбродство я Пола любила в той же мере, что и за его талант, за его ум и за пылкое отношение ко мне.

Домой – жилище наше представляло собой готическое строение XIX века, которое мы приобретали вместе, – я при-

ехала в начале седьмого. Автомобиль Пола стоял неподалеку от входа. Переступив порог, я аж вздрогнула от неожиданности, увидев, что хаос сменил идеальный порядок. За последние недели Пол превратил наш дом в свалку. Однако за время моего отсутствия, когда он не мог связаться со мной, Пол не только убрал весь хлам и разложил вещи по местам, но еще и до блеска вымыл окна, а также вытер пыль со всех деревянных поверхностей и отполировал их. В нескольких вазах благоухали свежие цветы, из духовки сочился аромат какого-то макаронного блюда.

Когда дверь за моей спиной со стуком захлопнулась, из кухни появился Пол, с несколько застенчивым выражением на лице. Встретиться со мной взглядом он не смел. Но когда один раз все же посмотрел на меня, я заметила в его глазах оттенки печали и страха.

– Вкусно пахнет, – похвалила я.

– Я старался для тебя, для нас. – И он снова отвел глаза. – Добро пожаловать домой.

– Да, я вернулась. Но...

Пол выставил вперед ладонь:

– Все вино я продал.

– Понятно.

– Нашел здесь в городе одного человека. Крупного коллекционера. Он предложил мне шесть тысяч за мой погребок.

– У тебя есть погребок?

Пол кивнул. При этом он выглядел как мальчишка, которого только что уличили в чудовищной лжи.

– Где?

– Знаешь сарай за гаражами? Тот, что всегда стоит без дела?

Этот сарай, с двумя двустворчатыми железными дверями, плотно прилегающими к земле, был подобен бомбоубежищу. Приобретая наш дом, мы, естественно, попросили открыть для нас сарай и увидели сырую недооблицованную пещеру. Поскольку подвал дома уже был отремонтирован, после его покупки мы просто навесили замки на две железные двери, и с тех пор сарай пустовал.

По крайней мере, я так думала.

– И давно ты собираешь свою винную коллекцию? – как можно более рассудительным тоном осведомилась я.

– Уже некоторое время.

Пол подошел и заключил меня в свои объятия.

– Прости, – сказал он.

– Мне не нужны извинения. Я просто не хочу повторения всех этих финансовых неприятностей.

– А я не хочу потерять тебя.

– Тогда не теряй. Ты нужен мне, и я хочу, чтобы наш брак состоялся.

К чести Пола, после инцидента с вином в нем снова проснулось трудолюбие. Все свободные от преподавания часы он работал над новой серией литографий. Впервые с тех

пор, как мы поженились, он серьезно погрузился в творческий процесс. Владелец галереи в Нью-Йорке, где Пол обычно выставлялся, был полон энтузиазма, но, поскольку в целом на рынке произведений искусств наблюдался спад, а Пол в последние годы фактически исчез из поля зрения публики, спрос на его работы резко упал в цене. И все же ему удалось найти покупателя. Конечно, Пол расстроился, что вырученная сумма оказалась куда меньше той, на которую он рассчитывал, но в душе он ликовал. «Есть еще порох в пороховницах», – любил он выражаться, говоря о своем творчестве. Заплатив большую часть долгов по кредитным картам, он затем пригласил меня на ужин в самый роскошный (по меркам Буффало) французский ресторан, где заказал дорогую бутылку вина и сообщил мне, что владелец галереи нашел еще одного клиента, который заинтересован в новой серии его гравюр.

– Заказчик готов заплатить вперед пятьдесят процентов, а это значит, что через пару недель я получу еще десять штук. Что в сравнении с этим цена за бутылку «пойяка»?

Я не большой любитель вина. Но... почему бы не отпраздновать? Тем более что Пол начал отдавать долги. В тот вечер, когда мы вернулись домой, он зажег свечи в нашей спальне, поставил компакт-диск с композицией «Однажды появится мой принц» в исполнении Майлса Дэвиса⁹... и я потонула в

---

⁹ Майлс Дьюи Дэвис (1926–1991) – амер. джазовый трубач и бэнд-лидер, оказавший значительное влияние на развитие музыки XX в. Стоял у истоков

его необузданной чувственности, на которую только он был способен.

Мой первый муж, Дональд, сексуальную близость всегда воспринимал как вызов. Он был необычайно умен, но вечно находился в состоянии тревоги. Журналист старой формации, в «Буффало сан» он освещал вопросы местной политики и слыл одним из лучших специалистов по изобличению коррупции в муниципальных органах штата. По окончании Миннесотского университета, получив степень бакалавра искусств¹⁰, я немного поработала в одной из газет в Мэдисоне (штат Висконсин) и пришла в неопикуемый восторг, когда мне нашлось место в отделе городских новостей «Буффало сан». Дональд был до мозга костей предан Буффало, и я, покоренная этим вихрем, который ростом не дотягивал и до метра семидесяти, тоже привязалась к Буффало. Но сексуальная близость – когда она происходила между нами – в лучшем случае была чисто механическим действием, в худшем – пустой тратой времени.

– Не мастак я в этом, не мастак, – прошептал он мне в первую ночь, что мы провели вместе, и у него, мягко выражаясь, «ничего не вышло».

Я успокоила Дональда, сказав, что от случая к случаю так

множества стилей и направлений в джазе (модальный джаз, прохладный джаз, фьюжн). «Someday My Prince Will Come» – седьмой студийный альбом, записанный Columbia Records в 1961 г.

¹⁰ Бакалавр искусств – в США первая ученая степень в области гуманитарных наук.

бывает у всякого мужчины, что это пустяки, что все образуется. Но дело в том, что... даже когда он благополучно завершал половой акт, удовольствия это не доставляло. Его постоянно глодало беспокойство, он пребывал в вечном страхе показаться неадекватным и несостоятельным, и никакими увещеваниями и подбадриваниями не удавалось рассеять его глубоко укоренившееся неверие в собственные силы. К концу первого года брака в любовную близость (если так можно выразиться) мы уже вступали не чаще двух раз в месяц. Я предложила Дональду обратиться за помощью к сексологу. Он согласился, но потом идти на прием отказался. И хотя он оставался потрясающе интересным партнером, секс – важнейшая составляющая прочных супружеских отношений – фактически исчез из нашей жизни.

Но я продолжала убеждать себя, что, если буду еще сильнее любить и поддерживать мужа, проблемы сексуального характера улетучатся, наш брак окрепнет и...

Уму непостижимо, какие только доводы мы не придумываем, доказывая себе, что будем счастливы в браке, который по сути, как мы прекрасно понимаем, обречен.

Наш брак с Дональдом окончательно рухнул в тот вечер, когда он затемно вернулся из редакции, опьяневший после восьми бокалов виски, и заявил:

– Дело в том, что, сколь б я ни консультировался с сексологами, чего бы они мне ни прописывали, никакие пилюли на свете не подавят отвращения, что возникает у меня каж-

дый раз, когда ты близко подходишь ко мне.

Я зажмурилась, пытаюсь убедить себя, что он не сказал того, что я услышала. Но, разжав веки, увидела странную полуулыбку на лице Дональда. Его слова посеяли в моей душе боль и смятение, и он с молчаливым наслаждением наблюдал за моей реакцией, что открыло мне неприглядную правду: Дональд сказал это, зная наверняка, что, как только он сделает свое заявление, путь назад будет отрезан.

– Вот теперь ты действительно меня ненавидишь, – наконец прошептал он.

– Мне просто тебя жаль, Дональд.

Утром следующего дня я напросилась на прием к главному редактору и сказала, что, если еще в силе предложение об увольнении по собственному желанию с получением компенсационных выплат, которое было озвучено несколько месяцев назад во время волны сокращений, я готова его принять.

Спустя десять дней, имея на счету в банке годовое жалование, я села в свой автомобиль и покатила на север, в Монреаль. Я решила выучить французский и поселиться в городе, где европейский традиционализм сочетался с мироощущением Нового Света. И жизнь здесь была дешевая. Я нашла маленькую квартирку во франкоязычном районе Плато и записалась на ежедневные курсы французского языка при Монреальском университете, на которых я усердно осваивала этот сложный замысловатый язык. Этот процесс пошел

значительно быстрее и эффективнее, когда я начала встречаться с мужчиной по имени Тьерри, который владел магазином подержанных пластинок на улице Сен-Дени и периодически пытался писать великий квебекский роман. Он был обаятелен и вполне хорош в постели – особенно в сравнении с Дональдом, – но неисправимо ленив, что перечеркивало все его достоинства.

Через год мне удалось продлить студенческую визу. Мои знания французского ширились, и я стала подумывать о том, чтобы переехать в Париж, попробовать получить *carte de séjour*¹¹ и снова найти работу в качестве...

И в этом состояла трудность. Чем я намерена дальше заниматься в своей жизни? Я записалась на прием во французское консульство в Монреале и оказалась лицом к лицу с очень *petite fonctionnaire*¹², которая посоветовала мне даже не думать о том, чтобы попытаться найти работу в Париже, не имея европейского паспорта или супруга-француза. Канадская студенческая виза позволяла мне устроиться на работу на время учебы в университете. Я нашла место секретаря-референта в бухгалтерской фирме, где требовались сотрудники, владеющие английским и французским языками, и начала приобщаться к миру цифр, который меня заморозил. Я понимала, что, переучившись на дипломированного бухгалтера высшей квалификации, я снова попаду в мир людских

---

¹¹ *Carte de séjour* – вид на жительство (фр.).

¹² *Petite fonctionnaire* – миниатюрная служащая (фр.).

судеб, который я поклялась себе избегать, когда уходила из журналистики. Тем не менее после полуторагодичного пребывания в Квебеке я решила вновь пересечь американскую границу и поступить на бухгалтерские курсы в Буффало. Я знала, почему возвращаюсь. В Буффало я чувствовала себя спокойнее. На сегодняшний день этот город был единственным местом в моей жизни, где я пустила корни. А поскольку в СМИ я работать не собиралась, шанс где-то ненароком столкнуться с Дональдом сводился к нулю. Я все еще страдала из-за развода, мною владела глубокая неизбывная печаль, усугубляемая мыслью о том, что я должна была, но не сумела изменить бывшего мужа. Равно как и моя потребность найти для себя в жизни некое практичное серьезное занятие была результатом осмысления всего того, что я чувствовала по отношению к отцу. В Буффало у меня оставались добрые друзья и много знакомых – мои потенциальные клиенты, если со временем я открою небольшую аудиторскую фирму.

Посещая двухгодичные бухгалтерские курсы, я, желая доказать себе, что я – ответственная молодая женщина, устроилась помощником к одному из местных сертифицированных бухгалтеров-аудиторов. Это позволило мне на деньги, оставшиеся от выходного пособия, внести 50-процентный платеж за хорошую квартиру в старом доме, построенном в викторианском стиле (в Буффало цены невысокие), и даже отремонтировать кухню и ванную, а также обставить комнаты простенькой подержанной мебелью. Когда пришло время – и я

стала официально считаться сертифицированным специалистом в области финансового учета, – у меня уже было семь клиентов, которые обратились ко мне за помощью в первый же день работы моего офиса.

Потом, два года спустя, ко мне пришел Пол.

– Вот мне интересно... а не ошибка ли все это?

Его слова, когда мы приземлились в Марокко. Куда мы отправились по его инициативе. Сюрприз, которым он меня огорошил буквально через пару недель после того, как заплатил большую часть долгов и поклялся не сорить деньгами. Я только-только вернулась с занятий по йоге, которые посещала два раза в неделю. Пол колдовал на кухне, из которой по дому распространялись пряные ароматы Северной Африки. Он стоял у плиты. Я подошла к нему, поцеловала и сказала:

– Дай-ка угадаю... таджин?¹³

– Потрясающая наблюдательность.

– Моя наблюдательность не идет ни в какое сравнение с твоими кулинарными способностями.

– Твои сомнения в собственных талантах трогательны, но не основаны на реальности.

Таджин из мяса молодого барашка в исполнении Пола, как всегда, оказался выше всяких похвал. Он приготовил его с консервированными дольками лимона и черносливом – по

---

¹³ Таджин – блюдо из мяса и овощей, популярное в странах Магриба, а также специальная посуда для его приготовления.

рецепту, который узнал во время своего двухлетнего пребывания в Марокко. В тот период – ему тогда было лет двадцать пять – двадцать шесть – он и сформировался как художник.

Это произошло в начале восьмидесятых. Окончив Школу дизайна имени Парсонса в Нью-Йорке, Пол предпринял попытку преуспеть как художник в тогда еще полусветском Алфавет-сити¹⁴, который находился в экстремальном районе Ист-Виллидж¹⁵, а потом решил, что ему необходима радикальная смена обстановки. В отделе по вопросам профессионального развития Школы дизайна он узнал, что художественному училищу в Касабланке требуется преподаватель по технике рисунка: контракт на два года, три тысячи долларов в год, небольшая квартира рядом с училищем.

– Мне сказали, что это, пожалуй, лучшая художественная школа в Марокко, «хотя это мало о чем говорит». И все же это давало мне возможность пожить в атмосфере экзотики, избавиться от серости существования, попутешествовать и хорошенько потрудиться над собственными произведения-

---

¹⁴ Алфавет-сити (Alphabet City) – название нескольких кварталов Нью-Йорка, расположенных в районах Ист-Виллидж и Нижний Ист-Сайд в Нижнем Манхэттене. Название происходит от авеню А, В, С, D, вдоль которых располагается район.

¹⁵ Ист-Виллидж (East Village – букв. «восточное поселение») – район Манхэттена в Нью-Йорке (к востоку от Бродвея, с центром – площадь св. Марка). Получил известность в 1960-е гг. как центр нью-йоркской контркультуры. Сейчас это район небогатых художников, хороших театров и выставочных залов. Населен различными этническими группами, крупнейшую из которых составляют украинцы.

ми под раскаленным добела солнцем Северной Африки.

В общем, Пол уволился с работы, сел в переполненный самолет и ночным рейсом прилетел в Касабланку – и там с первого взгляда возненавидел буквально все. Ибо Касабланка – разбросанная, уродливая, состоящая из бетонных сооружений, – ни в чем не походила на тот яркий сказочный город, который показывали в фильмах. Художественное училище оказалось второразрядным заведением с деморализованным преподавательским составом и в целом бездарными учениками.

– На первых порах друзей у меня практически не было, если не считать французско-марокканского художника по имени Роман Бен Хассан. Для перспективного алкоголика он весьма талантливо творил в жанре абстрактного экспрессионизма. Но именно Роман нашел для меня учителя французского и заставлял разговаривать на языке, на котором общались окружающие. Именно благодаря Роману я перестал жалеть себя. Он ввел меня в круг художников, местных и эмигрантов. А также заставил продолжить работу над собственными творениями.

В конце концов Пол адаптировался в новых реалиях, начал новую жизнь. Сошелся с местными художниками – марокканцами и эмигрантами, – частенько проводил с ними время. Среди его студентов нашлись двое, которые, на его взгляд, подавали надежды. Но главное, он усердно трудился, создавая поразительную серию литографий и линейных ри-

сунков, в которых отображалась хроника того квартала, где он жил в Касабланке. Администрация художественного училища хотела, чтобы Пол и дальше работал у них, а он выставил эти свои работы, дав циклу название «Белый город», в одной из нью-йоркских галерей.

На трехнедельные каникулы между семестрами в художественной школе Пол отправился на юг, в приморский город-крепость Эс-Сувейра.

– Я словно перенесся в Средневековье и очутился в самом настоящем городке художников.

Эс-Сувейра всегда была одной из «дежурных тем» Пола. Он любил рассказывать, как снял номер в фантастически дешевом захудалом отеле «с местным колоритом». Там был огромный балкон, с которого он обозревал необъятную ширь океана и средневековые крепостные стены этого необычного притягательного города, где «Орсон Уэллс¹⁶ снимал своего „Отелло“, а Джимми Хендрикс накачивался наркотой, кайфуя в своеобразной атмосфере марокканской Атлантики». Те три недели Пол работал над второй серией линейных рисунков – «В лабиринте», – запечатлевая паутину улочек Эс-Сувейры. Джаспер Пирни, владелец галереи на Манхэттене, в которой выставлялся Пол, сумел продать тридцать из его литографий.

---

¹⁶ Уэллс, Орсон (1915–1985) – амер. актер и режиссер театра и кино, сценарист. Постановщик экранизаций, психологических фильмов. Новатор киноязыка. Лауреат премии «Оскар» (1941 г., 1970 г.).

– На деньги, что я выручил от литографий, можно было бы прожить еще два года в Эс-Сувейре – так все тогда там было дешево. А я как поступил? На факультете изобразительных искусств Университета штата Нью-Йорк в Буффало появилась вакансия. Конечно, тут сыграло свою роль то, что я знал декана, который, собственно, меня и порекомендовал... в общем, мне предложили должность доцента с возможностью бессрочного контракта через шесть лет, если все это время мои литографии и рисунки будут выставляться. Но, собирая вещи в Эс-Сувейре – после того, как я телеграммой сообщил на факультет, что принимаю их предложение, и уведомил художественное училище в Касабланке, что к ним я не вернусь, – я уже знал, что когда-нибудь буду жалеть о своем решении.

Я отчетливо помню, как в тот момент накрыла его ладонь своей – тогда впервые кто-то из нас осмелился проявить к другому ласку. Странно, да, что я бросилась утешать мужчину, который признался, что он сам загнал себя в угол? Может, потому что я тоже чувствовала себя загнанной в угол и потому что Пол был представителем богемы, человеком, наделенным творческой жилкой, который мог бы приглушить мою врожденную осторожность, потребность во сне составлять списки и раскладывать все по полочкам. В ответ на мою нежность он наклонился и поцеловал меня, а потом переплел свои пальцы с моими и сказал: «Ты восхитительна». Тогда мы впервые провели ночь вместе. После печального опыта

с Дональдом близость с Полом стала для меня откровением и вызвала пьянящий восторг, ибо я предавалась любви с человеком, который вел себя уверенно в постели и умел доставить женщине наслаждение.

Когда мы во второй раз проводили вместе ночь, Пол приготовил для меня таджин из мяса барашка. Таджин он приготовил для меня и полтора месяца назад, когда расплатился по долгам, чтобы отпраздновать со мной это событие. В тот вечер он также устроил мне маленький сюрприз.

– Как ты смотришь на то, чтобы этим летом месяц провести в Эс-Сувейре? – спросил Пол.

Я сразу подумала, что мы уже заплатили пятьсот долларов за аренду домика близ пляжа Попэм в Мэне. Читая мои мысли, Пол сказал:

– В Попэме мы тоже успеем отдохнуть пару недель. А в Марокко полетим на несколько дней раньше того срока, в который собирались отправиться в Мэн. Билеты я заказал.

– Ты купил нам два билета до Марокко?

– Хотел сделать тебе сюрприз.

– Что ж, сюрприз удался. Ты хотя бы уточнил, свободна ли я.

– Если б стал уточнять, ты нашла бы повод отказаться.

Увы, в этом Пол был прав.

– А ты вообще хотя бы на минуточку подумал, что у меня бизнес, клиенты? И на какие шиши мы полетим в Марокко?

– На прошлой неделе Джаспер продал еще четыре мои ли-

тографии.

– Почему я впервые об этом слышу?

– Сюрприз он на то и сюрприз, чтобы не раскрывать карты раньше времени.

Я уже была заинтригована. Не считая Монреаля, где я жила какое-то время, и Ванкувера, который я как-то раз посетила (не ахти какая заграница), за пределами Америки я больше нигде не бывала. А тут вот муж предлагал увезти меня в Северную Африку. Но я понимала, что дело не только в деньгах. Да, я была осмотрительна во всем, что касалось финансов, но мою пресловутую осторожность обострял страх. Страх иноземного. Страх оказаться в мусульманской стране, которая, что бы Пол ни говорил про ее современность, согласно всему, что я читала, по-прежнему находилась в тисках своего североафриканского прошлого.

– В Эс-Сувейре мы запросто проживем целый месяц на две тысячи долларов, – сказал Пол.

– Я не могу уехать на столь долгий срок.

– Пообещай своим работникам хорошие премиальные, если они будут держать оборону полтора месяца.

– А что скажут мои клиенты?

– Кому нужны услуги бухгалтера в период с середины июня до Дня труда?¹⁷

Резонный довод. В моей фирме это – самая спокойная по-

---

¹⁷ День труда (Labor Day) – национальный праздник в США и Канаде, отмечается в первый понедельник сентября.

ра. Но уехать на полтора месяца? Казалось, это бесконечно долгий срок... хотя умом я понимала, что, по большому счету, это ерунда, что Мортон (мой помощник) и Кейти (мой секретарь) прекрасно справятся и без меня. Человеку, который стремится все держать под своим контролем, очень трудно свыкнуться с мыслью о том, что в его отсутствие конец света не наступит.

– Я должна подумать.

– Нет, – заявил Пол, беря меня за руку. – Ты должна сейчас же ответить согласием. Знаешь ведь, что это будет изумительная поездка. Ты покинешь свою зону комфорта, согласишься посмотреть мир, который видела только в своем воображении. А у меня появится возможность поработать над новой серией рисунков, которые Джаспер, по его словам, сумеет продать минимум за пятнадцать тысяч долларов. Чем не стимул? Но главное – это нам пойдет на пользу. Нам обоим не мешает проветриться, побыть вдвоем, отдохнуть от повседневности.

Марокко. Мой муж вез нас в Марокко. В Эс-Сувейру. Разве могла я не отмахнуться от своих сомнений и не соблазниться идеей североафриканской идиллии в средневековом городе-крепости на побережье Атлантики? Очарование фантазий. А разве все наши фантазии произрастают не из надежды оказаться, пусть ненадолго, в таком месте, которое лучше, чем то, где мы живем сейчас?

И я сказала «да».

Очередь на паспортный контроль двигалась нестерпимо медленно, но неумолимо. Спустя почти час после приземления мы наконец-то подошли к ее началу. Полицейский в кабине устроил мужчине из Мавритании настоящий допрос. Разговор становился все более жарким, на повышенных тонах. Полицейский кому-то позвонил по телефону. Откуда ни возьмись материализовались двое сотрудников полиции в штатском (из-под пиджаков у них выпирало оружие), которые повели рассерженного и испуганного мавританца в специальную комнату для допросов. Отвлекаясь от разыгравшейся на моих глазах драмы, я посмотрела на мужа. Тот со страхом наблюдал за процедурой прохождения паспортного контроля.

– Думаешь, меня пропустят? – прошептал он.

– Почему тебя должны не пропустить?

– Оснований никаких, никаких. – Но в его голосе слышалось беспокойство.

В этот самый момент полицейский в кабине пригласил нас подойти, протягивая руку за нашими паспортами и иммиграционными картами. Пока он просматривал документы, периодически поглядывая на компьютерный монитор, Пол – я видела – силился скрыть свою тревогу. Я взяла мужа за руку, стиснула ладонь, заставляя его успокоиться.

– Сколько намерены пробыть здесь? – осведомился полицейский по-английски, с рублено-ритмичными интонациями в голосе.

– *Quatre semaines*¹⁸, – ответил Пол.

– Работать приехали?

– Нет-нет. В отпуск.

Полицейский снова глянул на монитор. Потом внимательно просмотрел все страницы наших паспортов. Пол, я почувствовала, напрягся еще сильнее. Потом: шлеп, шлеп... и полицейский вернул нам паспорта.

– *Bienvenu*¹⁹, – сказал он.

И мы ступили в Марокко.

– Видишь, пропустили, – заметила я, улыбаясь во весь рот. – Чего ты так нервничал?

– По глупости, по глупости.

Но, когда мы направились к месту выдачи багажа, я услышала, как он пробормотал себе под нос:

– Идиот.

---

¹⁸ *Quatre semaines* – четыре недели (фр.).

¹⁹ *Bienvenu* – добро пожаловать (фр.).

Глава 4

Июль в Северной Африке. Иссушенный раскаленный воздух пропитан зноем, пылью и выхлопными газами. Именно это – смрад бензина, плавающий в горячем неподвижном кислороде, – ударило мне в нос, едва мы покинули здание аэровокзала. С небесной выси на землю насылало палящие лучи утреннее солнце. И хотя Касабланка находится на побережье Атлантики, это не имело значения. Когда мы вышли на улицу из прохлады зала прилета, ощущение было такое, будто я шагнула в доменную печь.

– Угодили в самый ад, – заметил Пол, пока на автобусной остановке, где скопилась толпа народу, мы ждали автобус, идущий в центр города.

– Ты ведь когда-то жил здесь в июле, так? – напомнила я.

– В Эс-Сувейре будет прохладнее.

– Туда мы приедем через несколько дней. А в нашем отеле в Касабланке наверняка есть кондиционер.

– Не обольщайся. Это Северная Африка. Дешевизна предполагает определенный дискомфорт.

– Тогда найдем отель с кондиционерами.

– Или сразу поменяем наши планы.

– Что?

– Я сейчас.

С этими словами Пол исчез в толпе. Я хотела последовать

за ним, но рядом стоял наш багаж – четыре объемных чемодана с нашей одеждой на месяц и принадлежностями для рисования моего мужа, а также двенадцатью книгами, которые, как мне представлялось, я буду читать, созерцая водную ширь Атлантического океана. Оставить без присмотра чемоданы и броситься вслед за мужем – это все равно что преподнести подарок вору и навлечь на нас неприятности с первых минут нашего приключения, которое и без того уже казалось сомнительным. Поэтому я просто окликнула Пола, но мой голос потонул в гвалте собравшихся на остановке: женщин с закрытыми лицами, мужчин разных возрастов в несуразных костюмах, парочки туристов с рюкзаками, двух на вид потечески добродушных стариков в развевающихся одеждах и трех черных африканцев с дешевыми парусиновыми сумками, в которых, вероятно, лежал их нехитрый скарб. Мне сразу подумалось, что африканцы, возможно, приехали сюда в поисках работы; судя по замешательству на их лицах, они чувствовали себя такими же потерянными, как и я сама.

Автобусы, в основном очень старые, подъезжали и уезжали. Выпуская клубы ядовитого дыма, они увозили пассажиров по разным направлениям. Я всматривалась в даль, но мужа нигде не видела. Прошло десять, пятнадцать минут. Боже, неужели он и впрямь решил сразу улететь домой? Наверняка сейчас стоит у кассы в аэровокзале и расплачивается кредитной картой, покупая для нас обратные билеты.

Но потом на многолюдной сцене уличного театра появил-

ся высокий мужчина. Пол. Он шел ко мне в сопровождении тщедушного человечка, чей полубритый череп обтягивала вязаная шапочка. Сжимая в почерневших зубах сигарету, на одной руке он нес помятый оловянный поднос с двумя приземистыми стаканами, в другой – чайник. Мужчина робко улыбнулся и поставил поднос возле меня на свободный пятачок на облезлой, исцарапанной скамейке, затем поднял чайник на целый фут над стаканами и принялся церемонно наливать в них зеленую жидкость. Я мгновенно ощутила пьянящий аромат крепкого чая.

– *Thé à la menthe*, – объяснил Пол. – *Le whisky marocain*.

Мятный чай. Марокканское виски. Улыбаясь, мужчина протянул мне поднос с двумя стаканами. Я взяла один, Пол – второй.

– Прости, что убежал, – извинился он, чокнувшись со мной.

Наклонившись, Пол поцеловал меня в губы. Я не сопротивлялась и не высвободила руку, когда он взял ее в свою ладонь. Потом я сделала первый глоток *le whisky marocain*. Ощутимый вкус мяты разбавляла сахаристая сладость. Я не люблю ничего очень сладкого, но этот чай мне понравился своей душистостью, к которой примешивался медовый аромат. Божественный напиток – особенно после ужасного перелета и ожидания на солнце.

– Одобряешь? – спросил Пол.

– Одобряю.

– Наш приятель одолжил мне мобильный телефон. Наши планы меняются.

– В какую сторону?

– Мы едем сразу в Эс-Сувейру. Через двадцать минут туда отправляется автобус.

– А как же Касабланка?

– Ты немного потеряешь, уж поверь мне.

– И все же это Касабланка, о которой ты нескончаемо твердишь мне с тех пор, как мы вместе.

– Касабланка подождет.

– Но до Эс-Сувейры отсюда... сколько?.., четыре, пять часов езды?

– Да, примерно. Я только что уточнил... в отеле Касабланки кондиционера нет. И до трех часов они все равно нас не поселят – значит, почти пять часов придется торчать в кафе. Так мы за это время успеем доехать до Эс-Сувейры. Тем более что парень, продающий билеты, сказал, что в автобусе, который туда идет, кондиционер как раз таки есть.

– То есть то, что мы едем в Эс-Сувейру, это уже свершившийся факт? Ты все решил за нас обоих?

– Он сказал, что билеты почти распроданы. Не надо так остро реагировать, прошу тебя.

– Да я не остро реагирую. Просто...

Я отвернулась. Ночной перелет через Атлантику в сидячем положении, жара, духота, вонь лишили меня остатков сил. Еще один глоток мятного чая смягчил горло, в котором

опять пересохло.

– Ладно, – раздраженно буркнула я. – Пусть будет Эс-Су-вейра.

Двадцать минут спустя мы уже сидели в автобусе, следовавшем на юг. Салон был набит битком, но Пол сунул парню, который проверял билеты, десять дирхамов одной купюрой, и тот нашел нам места на самом последнем сиденье. Кондиционера не было.

– *Ça se déclenchera une fois le bus aura démarré*, – ответил парень, когда Пол спросил у него – на вполне приличном французском, – разгонит ли прохладный воздух удушающую жару. *Начнет дуть, когда поедем.* Но когда автобус тронулся, из вентиляционных отверстий арктическим холодом не повеяло. Автобус был не очень старый, но и не новый. И до отказа набит людьми и вещами. Напротив нас сидели две женщины в паранджах и девочка, у которой все руки были искусно расписаны знаками и символами. Рядом раскачивался взад-вперед на своем узком сиденье жилистый старик лет семидесяти пяти. В темных очках, он молился почти беззвучно, сосредоточенно взывая к силам более могучим, чем этот духовой шкаф. Рядом с ним сидел молодой парень – с желтушной кожей, с пушком на лице и неприступным взглядом «не зли меня», – слушавший арабскую поп-музыку, сочившуюся в салон из его огромных наушников. Он подпевал исполнителям, и его громкое фальшивое гудение сопровождало нас всю дорогу на юг.

Вещи пассажиров были уложены между креслами, почти не оставляя места для ног. Но, поскольку мы сидели на самом длинном заднем сиденье, Пол, извернувшись под углом, сумел вытянуть ноги. Я устроилась рядом. Он обнял меня и произнес:

– Ошибся я насчет кондиционера.

– Прорвемся, – отозвалась я, хотя мы еще и десяти минут не ехали, а одежда на мне уже взмокла от пота.

– Конечно. Как всегда, – сказал Пол, крепче обнимая меня и целуя в голову.

Молодой парень, заметив это проявление супружеской ласки, закатил глаза, а сам продолжал все так же монотонно подпевать. Я посмотрела в окно. Мимо тянулся североафриканский городской пейзаж. Белые облупившиеся многоквартирные жилые здания. Ряды белых облупившихся перенаселенных домиков. Салоны по продаже автомобилей. Склады. Пробки на дорогах. Белые облупившиеся торговые центры. Белые облупившиеся селения. А потом...

Сон.

Или нечто подобное.

Я отключилась.

Вдруг – толчок. Автобус, должно быть, наехал на рытвину или что-то в этом роде. Мы катили по открытой местности, каменистой, пустынной, унылой. На горизонте стелились низкие холмы. Мир снова исчез, потом пробуждение, когда...

Закричал ребенок. Его мать – молодая женщина в цветастом платке – сидела перед нами. Было видно, что она страдает от недосыпания. Боязливая, она все пыталась успокоить младенца, которому было не больше трех недель от роду. И малыш имел все основания чувствовать себя несчастным. То скудное количество кислорода, что еще оставалось в автобусе, поглощал смрад потных тел и выхлопных газов. А жаркий спертый воздух был до того плотным, что казался осязаемым, увесистым и тестообразным, как хлеб четырехдневной свежести.

Я удобнее устроилась между ног Пола, и меня вдруг пронзило острое желание – не только страсть к мужу, но еще и жгучая потребность иметь ребенка. Разумеется, в прошлом у Пола были женщины. С одной, университетской коллегой, он жил около двух лет. Пол мало рассказывал о ней – упомянул только, что они расстались не по-хорошему. А так он всегда давал понять, что не склонен обсуждать историю своих романтических отношений. Правда, он сделал одно важное заявление: что я первая женщина, от которой он хотел бы иметь ребенка.

Автобус наехал на очередной ухаб. От встряски мой муж проснулся и увидел, что моя рука лежит на его пахе.

– Ты что-то пытаешься мне сказать? – спросил он.

– Может быть. – Я потянулась к его губам.

– Где мы?

– Понятия не имею.

– Давно едем?

– Очень.

– И по-прежнему без кондиционера.

– Ты не виноват.

Коснувшись моего лица, он произнес:

– Даже не верится, что мне так повезло.

– Нам обоим повезло.

– Ты правда так думаешь?

– Правда.

– Хотя порой я свожу тебя с ума.

– Пол... я люблю тебя. И хочу, чтобы у нас был счастливый брак.

– Если переживем эту чертову поездку в автобусе, нам все будет нипочем.

Я рассмеялась и прильнула к нему в страстном поцелуе. Автобус снова трянуло, оторвав меня от губ мужа, и я увидела, что все вокруг нас либо от смущения прячут глаза, либо смотрят с неодобрением.

– Простите, простите, – шепотом сказала я старику, сидевшему перед нами. Тот повернулся ко мне спиной.

– В Эс-Сувейре народ более терпимый, – прошептал мне Пол. – Люди там более привычны к чокнутым хиппи-иностранцам.

– Мы вряд ли тянем на хиппи.

– Поправка: ты вряд ли тянешь на хиппи.

Я снова рассмеялась и поцеловала мужа, снискав новую

порцию неодобрительных взглядов. Я обожала такие дивные мгновения, как это, когда между нами, казалось, все просто идеально. Они грели душу, ободряли, вселяли надежду. Пол был прав. Если мы переживем эту автобусную поездку, нам не страшны будут никакие преграды.

Десять минут спустя наш автобус въехал на крошечную бетонную автостанцию, стоявшую чуть в стороне от дороги. Вокруг каменистая почва, низкорослые кустарники, никаких возвышенностей, сплошь однообразие – невдохновляющий пейзаж.

– Думаешь, здесь есть туалет? – спросила я Пола.

– Не знаю. Но вон там огромная очередь.

Он кивком показал на десяток женщин, – все, за исключением троих, в паранджах, – выстроившихся перед одиночным домиком.

– Потерплю, пожалуй.

– Нам ехать еще полтора часа. Давай попробуем за автостанцией.

Что мы и сделали. Прошли за домик и увидели клочок земли, усеянный мусором, разбитыми бутылками, золой от двух выгоревших костров и даже дохлую мышь, обуглившуюся на солнце.

– Ты предлагаешь, чтобы я села прямо здесь? – спросила я Пола.

– Есть еще туалет.

Зловоние, окутавшее нас – смрад испражнений и гниюще-

го мусора, – было сродни отравляющему газу. Но у меня едва не лопался мочевой пузырь. Поэтому, найдя относительно чистый пяточок – без мусора и осколков стекла, – я расстегнула свои широкие брюки-карго и опустилась на корточки. Пол, стоя в нескольких футах от меня, мочился в стену.

– Много ли для счастья надо, да? – рассмеялся он.

Водитель стал сигналить. Пора было возвращаться в автобус. Но, поднявшись в салон, мы увидели, что наши места заняли двое крепких молодых парней – обоим лет по двадцать, оба на вид злые, грозные, в нейлоновых ветровках в пояс и солнцезащитных очках с черными пластмассовыми стеклами. Они заметили, что мы направляемся к ним по узкому проходу, обходя сумки и двух собак с клочковатой опаленной шерстью (немецких овчарок, совершенно вялых от жары). Когда мы пробрались в конец автобуса, Пол по-французски уведомил парней, что они сидят на наших местах. Те никак не отреагировали на его слова. Я огляделась. Все остальные места в автобусе были заняты. Пол спокойным тоном попросил парней освободить наши места. Те вели себя так, будто нас вовсе не существовало.

– *Vous êtes asis à nos places*, – повторил Пол, более раздраженно. – *Vous devriez en chercher d'autres*²⁰.

Снова никакой реакции.

---

²⁰ *Vous êtes asis à nos places. Vous devriez en chercher d'autres.* – Вы сидите на наших местах. Поищите себе другие (фр.).

– *S'il vous plait*²¹, – добавил Пол.

Наглецы насмешливо переглянулись, но промолчали.

Тут уж не выдержал парень, что подпевал своему айподу. Он повернулся и сказал хулиганам что-то по-арабски. Один из них коротко ответил ему – очевидно, предупредил, чтобы не лез не в свое дело, судя по его угрожающему тону. Парень с айподом и глазом не моргнул – просто покачал головой и снова надел наушники.

Но тут внезапно наш сосед старик разразился на арабском гневной тирадой. Столь гневной, что взгляды всех пассажиров обратились на нас – двух иностранцев, стоявших в проходе. Тот же парень, что шикнул на нашего приятеля в наушниках, теперь что-то сказал старику, причем настолько хамское, что несколько человек поблизости – в том числе дородная женщина, полностью скрытая за паранджой, – стали что-то кричать этой наглой парочке. Те молчали и не думая освобождать места, отказываясь внимать доводам людей, полные решимости доиграть свой спектакль до некоего неприятного конца.

– Пойду за водителем, – сказал мне Пол.

Но водитель – изможденный, щуплый мужчина с запавшими глазами и тонкими усиками – уже сам направлялся к нам, и вид у него был недовольный. Его мгновенно окружил галдеж: старик, женщина в парандже и еще трое пассажиров наперебой принялись описывать сложившуюся си-

---

²¹ *S'il vous plait* – Пожалуйста (фр.).

туаацию. Водитель скороговоркой уточнил что-то у Пола по-французски. Пол так же быстро ответил, объяснив, что он вежливо попросил тех двух парней (им было лет по семнадцать, не больше) освободить места, на которые мы сели еще в Касабланке. Водитель принялся кричать на хулиганов, глядя в их пугающе черные солнцезащитные очки. Но те и на него не реагировали. Сердитый голос водителя вознесся на октаву выше. Он приблизил к парням свое лицо, и тот из них, кто говорил больше, сделал нечто из ряда вон выходящее: плюнул в водителя, слюной залепив ему глаз.

Водитель оторопел. К его чести, он не набросился на него-дя с кулаками, не впал в ярость, что было бы вполне естественно. Со спокойным достоинством он достал из кармана носовой платок, вытер глаз, вернулся к выходу и пошел в здание автостанции.

Парень в наушниках встал. Тронув меня за плечо, он кивком предложил мне занять его место.

– *Ce n'est pas necessaire*²², – отказалась я, опробуя свой французский.

– *J'insiste*²³, – настаивал он.

Его сосед – на вид бизнесмен сорока с чем-то лет, уравновешенный, в очках и светло-синем костюме в полоску, – тоже поднялся со своего места.

– *J'insiste*.

---

²² *Ce n'est pas necessaire*. – В этом нет необходимости (фр.).

²³ *J'insiste*. – Я настаиваю (фр.).

Пол, поблагодарив их, бережно препроводил меня к месту у окна, а сам устроился рядом, позаботившись о том, чтобы я находилась подальше от прохода, если вдруг начнется заварушка.

– Ты как? – шепотом спросил он, когда я взяла его за руку.

– Из-за чего весь сыр-бор?

– Мачо из себя строят. Показывают, что они способны противостоять иностранке с Запада.

– Но я же слова им не сказала.

– Это неважно. Они идиоты. К счастью, все остальные тоже так думают.

В этот момент в автобус поднялись двое полицейских, они тоже изнывали от жары, как и все мы. За ними по пятам шел водитель. Увидев, что мы теперь сидим, он что-то быстро объяснил полицейским на арабском. Один из них повернулся и в буквальном смысле отсалютовал нам. Старик, сердито тыча пальцем в хулиганов, с негодованием рассказал о том, как они оскорбили водителя. Второй полицейский схватил за рубашку того, что был понаглее, содрал очки с его лица, бросил их на пол и растоптал. Вместе с очками исчез и его имидж гангстера. Остался желтушный подросток. Другой полицейский сделал то же самое с его товарищем. Только на лице того, когда с него сдернули очки, читался открытый страх.

В мгновение ока хулиганов выдворили из автобуса. Едва они вышли в переднюю дверь, водитель сел за руль, за-

вел двигатель, стремясь поскорее уехать от всего происшедшего. Мы с Полом встали, предлагая бизнесмену и парню в наушниках вернуться на свои прежние места, но те настояли, чтобы мы остались, где сидели. Я посмотрела в окно и тут же пожалела об этом. Более крепкий из хулиганов попытался вырваться от одного из полицейских. Тот, недолго думая, схватил свою дубинку и ударил парня прямо по лицу. Он упал на колени, и полицейский нанес ему удар по голове. Второй парень завопил, и полицейский, державший его, ладонью наотмашь ударил его по губам. Автобус рванул с места, оставив после себя облако пыли, которое скрыло от нас жестокую сцену. За моей спиной парень в наушниках снова монотонно запел. Я зарылась лицом в плечо Пола, мучимая чувством вины, словно это мое присутствие спровоцировало неприятный инцидент. Чувствуя, что я расстроена, Пол крепче обнял меня.

– Это все теперь в прошлом, – произнес он.

Наш автобус мчался в будущее.

Глава 5

Кошка, казалось, не могла понять: *что я здесь делаю?* Грязная кошка, облезлая, уставшая от жизни. Уличная кошка, не имеющая хозяев, в доме которых она могла бы укрыться. И сегодня вечером – по причинам, известным только ей одной, – она висела на стене. Висела, вонзившись когтями в штукатурку, как приклеенная, строго параллельно стене. Своей жуткой застывшей позой она походила на призрак. Мне она напомнила изображения, которые я видела однажды, – изображения диких зверей, застигнутых потоком вулканической лавы и окаменевших в ней; их последние шаги в качестве живых существ навсегда запечатлелись во времени. Я, наверно, целую минуту смотрела на кошку и на то место, в котором она оказалась. Как ей удавалось удерживаться в столь нелепом невероятном положении? И что заставило ее – страх, дурное предчувствие? – искать убежища на этой обсыпавшейся белой каменной стене в лабиринте темных улочек обнесенного крепостной стеной города?

Что она здесь делает?

И что я делаю в этом темном переулке посреди ночи?

А часов пятнадцать назад...

Автобус высадил нас на конечной остановке – на автовокзале Эс-Сувейры – вскоре после полудня. Пошатываясь, мы вывалились из моторизованной парилки. Парень в наушниках

– все еще напевавший дурацкую мелодию (неужели это единственная песня в его айпode?) – с усмешкой махнул нам на прощание. Водитель автобуса, затягиваясь сигаретой – было видно, что он давно мечтал покурить, – тоже попрощался с нами – кивком. Мы взяли свой багаж, отмахнувшись от нескольких зазывал, навязывавших нам дешевое жилье.

– Комната нужна? Очень чистая... недорого.

– *Nous avons déjà une chambre*²⁴, – ответил Пол, направляя меня к вытянувшейся поблизости веренице разбитых такси.

– Моя комната лучше... пойдете со мной. Я покажу вам все в Эс-Сувейре...

Пол взмахом руки отослал его прочь. А мне пришлось обойти стороной нескольких женщин, протягивавших тканые рубашки, цветастые платки и дешевые бусы. Послепуденное солнце по-прежнему палило нещадно. На залитой бетоном привокзальной площади не продохнуть было от выхлопных газов и пыли. Я вытащила из сумки смятую панаму с полями, надела ее и натянула на глаза. Пока мы шли к такси, за нами следовала толпа уличных торговцев, во что бы то ни стало пытавшихся всучить свой товар. Отказа они не принимали.

– Просто иди – не отвечай, не смотри на них, – посоветовал Пол. – Они назойливые, но безобидные.

Мы приблизились к одному из такси. Это был кремовый «пежо», который как будто поучаствовал в гонке на выжива-

---

²⁴ *Nous avons déjà une chambre.* – У нас уже есть комната (*фр.*).

ние. За рулем сидел мужчина, до того утомленный, словно он не спал с 2010 года. Таксист что-то кричал, держа у уха мобильный телефон. Пол подошел к нему и сказал название нашего отеля.

– Двести дирхамов, – ответил таксист по-английски, хотя Пол обратился к нему на французском.

– До отеля отсюда минут десять пешком.

Таксист на мгновение отнял от уха телефон, взглядом окидывая наш багаж:

– За меньше не повезу. Не устраивает – идите пешком.

– *Charmant*²⁵.

Таксист лишь пожал плечами. Пол, покачав головой, направился к такси, что стояло за машиной этого неприятного типа. Тот, увидев, что мы подошли к другому водителю, с криком выскочил из своего «пежо». Второй таксист – коренастый толстячок с выражением усталого смирения на лице – проигнорировал протесты мистера Очарование.

– *Vous allez où?* – спросил он Пола.

– *Vous connaissez l'hôtel Les Deux Chameaux?*

– *Bien sûr. Ça vous coûtera environ trente dirhams*²⁶.

Тридцать дирхамов. Честный товарищ.

---

²⁵ *Charmant*. – Очаровательно (фр.).

²⁶ – *Vous allez où?* – Вам куда? – *Vous connaissez l'hôtel Les Deux Chameaux?* – Знаете отель «Два верблюда»? – *Bien sûr. Ça vous coûtera environ trente dirhams.* – Конечно. Вам это обойдется примерно в тридцать дирхамов (фр.).

– *D'accord*²⁷, – согласился Пол, и мы погрузили чемоданы в багажник.

По пути нам встретилась небольшая флотилия гусей и кур, которых гнал вдоль городских стен мужчина в белой джеллабе²⁸ и тюбетейке. Таксист, не церемонясь, коротко просигналил, требуя, чтобы тот убрал свою живность с дороги. Еще один пастух гнал домашний скот. Какой-то человек катил спрессованный в цилиндр хлопок-сырец. Какой-то мужчина играл на тростниковой дудочке, сидя перед корзиной, из которой – я думала, мне померещилось, – поднималась змея.

Пол видел, что я с интересом смотрю по сторонам, подмечая каждую деталь. Такси ехало по дороге, что тянулась вдоль крепостных стен Эс-Сувейры, походивших на укрепления некоего средневекового бастиона.

– Дальше будет еще интереснее, – произнес Пол, явно чувствуя себя как дома посреди всего этого оживленного хаоса.

По дороге, что льнула к стене, мы проехали еще с минуту, а потом свернули в узкий арочный проход и покатали по улочке, зажатой между синими стенами, от которой ответвлялись неглубокие закоулки. В конце улицы находилась ре-

---

²⁷ *D'accord*. – Согласен (*фр.*).

²⁸ Джеллаба – традиционная берберская одежда, представляющая собой длинный свободный халат с широкими рукавами и остроконечным капюшоном. Распространена среди мужчин и женщин арабоязычных стран Средиземноморья, в основном североафриканских. На сегодняшний день более всего имеет хождение в Марокко.

щетчатая дверь, тоже синяя. Это был вход в наш отель. *Le Deux Chateaux*. «Два верблюда». Мы ступили в сумрачный вестибюль. Роскоши здесь не было никакой – чисто и просто. За стойкой портье спал пожилой мужчина, одетый так, будто он целый день собирался провести на скачках: цветастая рубашка; золотая цепь с марокканской звездой, вздымавшаяся и опускавшаяся на его груди в такт храпу; золотые кольца на пальцах; большие солнцезащитные очки, скрывавшие его глаза.

Я огляделась. Старая марокканская мебель – вся из массивного дерева. В ворс некогда нарядной бархатной обивки забились пыль – сразу видно, что за ней плохо ухаживают. Рядом с конторкой портье на стене громко тикающие круглые часы, как на вокзале, отсчитывающие каждую секунду со зловещим щелчком. На стойке регистрации – полуголодная кошка, смотрит на нас настороженно: незваные гости, чужаки пришли, чтобы нарушить умиротворяющий порядок вещей.

Мы подошли к стойке портье, за которой спал старик. Пол, взяв инициативу на себя, окликнул его шепотом:

– *Monsieur*. – Потом, повышая голос, еще несколько раз повторил: – *Monsieur, monsieur, monsieur*.

Его усилия ни к чему не привели, и тогда я позвонила в колокольчик, стоявший возле открытого журнала регистрации гостей. Его громкое звяканье вернуло старика к жизни. Тот резко вскинул голову. В его лице отражалось ошелом-

ление, словно он не мог понять, где находится. Пока старик пытался сфокусировать взгляд, Пол сказал:

– Простите, что так внезапно разбудили вас. Но мы пытались...

– У вас заказан номер?

– Да.

– Фамилия?

Пол ответил. Старик поднялся, указательными пальцами обеих рук развернул регистрационный журнал к себе, внимательно просмотрел открытую страницу, затем, листая, несколько предыдущих. При этом он все тряс головой, что-то бормоча себе под нос.

– Вашей брони нет, – наконец произнес портье.

– Но я бронировал, – сказал Пол.

– Вы получили от нас подтверждение?

– Конечно. Я бронировал через Интернет.

– Подтверждение у вас с собой?

На лице Пола появилось глуповатое выражение.

– Забыл распечатать, – шепнул он мне.

– Войди в почту и найди, – сказала я.

– По-моему, я его удалил.

Я с трудом сдержалась, чтобы не воскликнуть: «Опять!»

Пол регулярно вычищал свой электронный почтовый ящик от старых сообщений и зачастую удалял важные письма.

– Но у вас ведь есть номера? – спросила я портье.

– И да, и нет.

Старик снял трубку древнего стационарного телефонного аппарата – такие показывают в фильмах, где действие разворачивается в период немецкой оккупации, – и принялся что-то говорить по-арабски громким, раздраженным голосом. Я уже начала замечать особенности арабской речи, зачастую громогласной, пафосной, отчего создавалось впечатление, что говоривший – человек агрессивный, чванливый, настроенный враждебно. Я сразу подумала, что нужно бы, пока я здесь, воскресить свой вполне сносный, разве что позабытый французский, о чем я себе регулярно напоминала с тех пор, как уехала из Монреаля.

Портье положил трубку и обратился к нам:

– Мой коллега... он сейчас связывается с хозяином.

Нам пришлось еще десять минут ждать прибытия владельца отеля. Его звали месье Пикар. Француз лет пятидесяти пяти, невысокий, в хорошей физической форме, в белой накрахмаленной сорочке и брюках песочного цвета, чопорный, церемонный. По его лицу я догадалась, что он, наверно, всю жизнь старался скрывать свою робость и избегать эмоций.

– Возникли проблемы? – спросил он, почти что надменным тоном.

– Мы забронировали номер, но у вас почему-то это нигде не отмечено, – объяснил Пол.

– У вас есть подтверждение? – спросил месье Пикар.

Пол покачал головой.

– Вот и у нас нет. Значит, вы не бронировали.

– В том-то и дело, что бронировали... – начал Пол.

– Видимо, нет.

– Но у вас ведь есть свободные номера, да? – осведомилась

я.

– Разве Ахмед не проинформировал вас, что у нас всего один свободный номер?

– И сколько он стоит?

– Это номер с балконом и видом на море. Сколько вы намерены пробыть здесь?

– Месяц, – ответил Пол. – Именно на такой срок мы и бронировали.

Месье Пикар поджал губы и повернулся к Ахмеду. По-французски он велел ему свериться с журналом. Цокая языком, Ахмед большим пальцем перелистывал страницы, уточняя, могут ли они разместить нас в своем отеле на указанный срок. Меня грызли сомнения: а бронировал ли Пол гостиницу или с его стороны это очередное «маленькое упущение» (как он выражался), коими он вечно «украшал» нашу жизнь? Теперь я злилась и на себя: почему я не проверила перед отъездом, есть ли у нас бронь? И ругала себя за то, что не доверяю мужу. Ведь, если учесть, что хозяин отеля – скользкий тип, а портье – сонная тетеря, где гарантия, что они не потеряли бронь или не разводят нас, чтобы содрать побольше?

Следующий диалог показал, что последний вариант наи-

более правдоподобен. Ахмед, повернувшись к хозяину, кивнул и сказал что-то, на слух обнадеживающее. И месье Пикар обратился к нам:

– У меня хорошие новости. Во-первых, мы можем предложить вам номер на требуемый срок. Во-вторых, это лучший номер в нашем отеле – полулюкс с балконом, выходящим на Атлантику. Стоимость – семьсот дирхамов за ночь.

Пол сник. У меня в голове мгновенно зажужжал калькулятор: 700 дирхамов – это 80 долларов, в два раза больше той суммы, на которую сторговался Пол.

– Но номер, который я забронировал, стоит триста пятьдесят, – указал Пол.

– Но ведь подтверждения у вас нет, так? – уточнил месье Пикар. – А поскольку ваша бронь у нас нигде не зафиксирована, но мы пытаемся вас разместить...

– Я забронировал номер на месяц по триста пятьдесят дирхамов за ночь, – подчеркнул Пол сердитым, возбужденным тоном.

– *Monsieur*, если доказательств нет, это все только слова. А слова...

– Да вы философ, черт возьми! – вспылил Пол.

Я положила ладонь на левую руку мужа, пытаясь его успокоить.

– Он не хотел вас оскорбить, – сказала я месье Пикару. – Мы оба ужасно устали и...

– Нечего перед ним оправдываться! Он же нас разводит.

Месье Пикар улыбнулся одними губами:

– Вы ведете себя так, будто сделаете мне одолжение, если поселитесь здесь. Вас никто не держит. Ищите другую гостиницу, где так же чисто и комфортно и можно снять на месяцц столь же просторный номер. Выход там. *Bonne chance*²⁹.

Он повернулся и пошел наверх.

– Покажите нам номер, пожалуйста, – крикнула я ему вдогонку.

– Как вам будет угодно.

Я тоже стала подниматься по лестнице, следуя за месье Пикаром. Пол, хмурый, кипя от злости, медлил у стойки.

– Идешь? – спросила я.

– Похоже, теперь ты у нас босс.

– Ладно.

Я продолжала путь наверх. Когда мы дошли до первой лестничной площадки, месье Пикар повернулся ко мне и сказал:

– Ваш муж не похож на счастливого человека.

– А вам что за дело? – огрызнулась я.

Он вздрогнул от моего резкого тона:

– Я не хотел вас обидеть.

– Хотели.

Коридоры верхних этажей были узкие, но вполне прилично покрашенные; дверные проемы по периметру облицованы синими изразцами. Мы поднялись на несколько лестнич-

---

²⁹ *Bonne chance*. – Желаю удачи (фр.).

ных пролетов, на которых с трудом мог бы развернуться человек средней упитанности.

– Восхитительно спокойное, уединенное место, – сказал Пикар, когда мы подошли к деревянной двери с резным решетчатым орнаментом. Он открыл номер. – *Après vous, madame*³⁰.

Я вошла. Пикар включил лампу на пристенном столике. «Боже, до чего крохотный», – подумалось мне в первую секунду. Мы находились в узкой комнатке с резными деревянными столиками, диваном, обитым тяжелой красной парчой, и небольшим креслом. В лучиках света, сочившегося сквозь щели в ставнях, роились пылинки. Почувствовав, что я разочарована, Пикар сказал:

– Это еще не все.

Он распахнул еще одну дверь, и мы оказались в комнате с высоким сводчатым потолком, который благодаря деревянным балкам казался выше. Ее главной достопримечательностью являлась большая двуспальная кровать с огромными круглыми подушками в чехлах из потертого красного бархата, приставленными к резному деревянному изголовью. Здесь все было из темного массивного дерева и темно-бордовых тканей: покрывало, большой стол с резным стулом из одного гарнитура, большой комод, тронное кресло в комплекте со скамеечкой для ног. Каменные стены. Ванная вполне удовлетворительная, чистая, с душевой кабин-

---

³⁰ *Après vous, madame.* – После вас, мадам (фр.).

кой, расписанной замысловатым орнаментом. Я повернула краны: напор тоже был сносный. Возвратившись в спальню, я обалдела. Пикар распахнул все ставни, впустив свет. Теперь прежде сумрачную комнату заливало искрящееся солнце. Я вышла на балкон, на воздух, все еще жгуче жаркий, раскаленный.

Сам балкон был не очень большой – метра три в длину и метр в ширину, – но панорама с него открывалась потрясающая. Глянешь направо, и прямо перед тобой обнесенная стеной крепость Эс-Сувейра. Со своей неприступной точки обзора я почти с картографической ясностью наблюдала всю необузданную неповторимость города – средневековые укрепления, хитросплетения улочек и переулков, льнущие друг к другу строения и людские потоки.

Потом, когда глянешь налево, взор упирается в бескрайние просторы Атлантики.

А разве есть более умиротворяющее зрелище, чем необъятная водная ширь? Особенно если эта водная ширь – связующее звено с домом?

На балконе стояли два сложенных шезлонга и небольшой столик. Я сразу представила здесь Пола. Перед ним разложены альбомы, карандаши, уголь. Он увлеченно работает, запечатлевая небо, море, зубчатые крыши, необычную живописную мешанину, простирающуюся прямо под нами. Я сидела бы рядом в другом шезлонге, склонившись над учебником французского, разбиралась бы в непростых тонкостях

сослагательного наклонения после утреннего занятия с репетитором.

– Неплохо, да? – произнес Пикар, теперь уже более дипломатичным тоном, после того как я нагрубила ему несколько минут назад.

– Ничего.

Я вернулась в спальню. Никогда не обсуждайте цену, любясь бесподобными красотами. Пикар вошел следом.

– Я видела подтверждение, которое мой муж получил от вас, – сказала я.

– Непосредственно от меня он ничего не получал.

– Значит, от вашего работника, занимающегося бронированием.

– Мадам, у нас не отмечено...

– Но я видела ваше подтверждение. И знаю, что вы согласились сдать нам на месяц номер с балконом и видом на море за триста пятьдесят дирхамов в сутки.

– Не этот полулюкс. А на данный момент это единственный свободный номер...

– Будьте же благоразумны.

– Вы считаете меня дураком? – спросил Пикар, снова переходя на надменный тон.

– Я начинаю подумывать о том, чтобы связаться со своим заместителем, который сейчас управляет моей бухгалтерской фирмой в Штатах, и попросить, чтобы она нашла ваше подтверждение и отправила его мне. Потом я найду местное

ведомство по туризму и сообщу про ваши махинации с ценами.

– Я вынужден попросить вас удалиться.

– Жаль. Неплохой номер... и вы могли бы сдать его нам на месяц. Но... решать вам, сэр.

С этими словами я повернулась и направилась к выходу. Не успела я дойти до двери, как он сказал:

– Я готов поселить вас здесь за шестьсот дирхамов в сутки.

– Четыреста, – бросила я, не оборачиваясь.

– Пятьсот пятьдесят.

– Пятьсот, включая завтрак и стирку.

– Вы хотите, чтобы мы стирали вашу одежду каждый день?

– Два раза в неделю. У нас с собой мало вещей.

Молчание. Пикар большим пальцем потирал указательный – верный признак волнения.

– И вы останетесь здесь на целый месяц? – уточнил он.

– Могу показать вам наши обратные билеты.

– Учитывая оговоренный тариф, я попросил бы сразу внести всю сумму.

Теперь, я чувствовала, чаша весов перевесилась в его сторону. Но, обведя взглядом номер, лучезарную синеву североафриканского неба, придающую ясность всему, что есть вокруг, я поняла, что надо принимать решение. С учетом завтраков и стирки, а также скидки на двести дирхамов за

ночь, в целом я сэкономила нам тысячу долларов. Я также догадывалась, что отныне Пикар будет вести себя относительно цивилизованно.

– Хорошо, сэр, – сказала я. – Договорились... но я хочу получить письменное подтверждение нашего соглашения о цене, прежде чем я вручу вам свою кредитную карту.

Он снова поджал губы:

– *Très bien, madame*³¹.

– Кстати, вы не знаете кого-нибудь, кто согласился бы ежедневно давать мне уроки французского? Хотелось бы усовершенствовать свои знания языка, научиться говорить на нем более бегло.

– Конечно, кого-нибудь найдем.

Мы спустились вниз. Пикар зашел за стойку регистрации. На листке почтовой бумаги с логотипом гостиницы он указал продолжительность нашего пребывания в отеле и стоимость номера в сутки – 500 дирхамов. Поставив свою подпись, он отдал мне подтверждение. Я вручила ему свою «Визу», наблюдая, как он оформляет согласованный платеж. Договор был заключен, и мы обменялись рукопожатием. Потом я отыскивала глазами Пола. Он сидел за столиком у входа в гостиницу и, потягивая мятный чай, смотрел на улицу за окном.

– Пожалуйста, распорядитесь, чтобы наш багаж подняли наверх, – попросила я Пикара.

---

³¹ *Très bien, madame.* – Здесь: непременно, мадам (фр.).

– *Très bien, madame.*

Он знаком велел портье отнести наши вещи в номер.

Пол вскочил на ноги, с изумлением глядя на меня.

– Не говори, что мы остаемся, – произнес он.

– Пойдем посмотришь номер.

Я повернулась и пошла наверх. Почти сразу Пол последовал за мной. Мы поднялись на второй этаж, прошли по узкому коридору, затем – по последней маленькой лестнице, состоявшей всего из нескольких ступенек. Войдя в номер, я, не задерживаясь ни в одной из двух комнат, прямоком направилась на балкон. Я стояла там, подставляя лицо солнцу, светившему мне прямо в глаза, смотрела на синие крыши, в которых, как в зеркале, отражалась обесцвеченная лазурь неба, на волнующиеся воды Атлантики, искрящиеся в ослепительном сиянии, и мне хотелось любоваться и любоваться этой несравненной красотой. Хотелось восхищаться тем, что я здесь, на западной оконечности Северной Африки, возвышаюсь над средневековой мединой³², собираясь провести целый месяц в этом чужеродном, но (я уже могла бы сказать) удивительно притягательном уголке нашей планеты. Сбежать от рутины и оказаться здесь... это же просто чудо. И этим чудом я обязана человеку в соседней комнате, человеку, с которым я очень хочу жить в счастье.

Я почувствовала руки Пола на своих плечах.

---

³² Медина – название старой части города в странах Магриба и Северной Африки.

– Вид потрясающий, – прошептал он.

– А номер?

– Лучше не бывает.

– Остаемся?

Он развернул меня к себе лицом и стал пылко целовать.

Близость его тела, его ладони, скользнувшие под мою футболку и поглаживающие мне спину, его возбуждающаяся плоть, обжигающая мое бедро, пробудили во мне острое желание. Желание чудесным образом раствориться в нем, забыв про усталость, гнев, сомнения.

И я притянула его ближе к себе. Ладонью накрыла его пах, чувствуя, как он возбуждается еще сильнее. Мельком глянув через плечо, дабы убедиться, что дверь закрыта и наши чемоданы в номере, я повела его к постели. Мы упали на кровать. А потом принялись стягивать друг с друга одежду. Исходя соками, изнывая по нему, я позволила Полу тотчас же овладеть мной. Обхватила его ногами, чтобы он проник глубже. Желание, снедавшее меня, было столь нестерпимым и всепоглощающим, что я в считанные мгновения дважды достигла оргазма. Казалось, Пола это только распалило еще сильнее. Его толчки стали более глубокими, размеренными, вознося меня на край некой умопомрачительной бездны, с которого я снова полетела кувырком, чувствуя, как мое существо вибрирует всеми нервными окончаниями. Я ощущала, как всегда, что Пол достигает предельного напряжения, но, будучи бесподобно искусным любовником, он не

дает ему выхода, стремясь продлить мгновения физического беснования двух тел, слившихся в накале безумной страсти. В конце концов напряжение стало невыносимо, он застонал громче, еще больше набух и затвердел во мне. Еще несколько пронизывающих толчков, и он вдруг с криком стал изливаться в меня, содрогаясь всем телом.

– Любовь моя, счастье мое, – зашептала я, абсолютно уверенная в том, что сейчас говорю чистую правду. Не теряя надежды, вопреки всему, что на этот раз наше соитие увенчается зарождением новой жизни.

Пол скатился с меня. После тридцати часов дороги и всех треволнений, коими сопровождалось это долгое трудное путешествие, мы оба отчаянно нуждались в отдыхе. Я накрыла нас белой простыней. Потолочный вентилятор у нас над головами вращался довольно быстро, разгоняя жару. Я обняла своего уже провалившегося в забытие мужа и закрыла глаза.

Потом – крошечный мрак. Очнувшись, несколько странных мгновений я не могла сообразить, где нахожусь. В ритмичное постукивание потолочного вентилятора вплетался голос из репродуктора, произносящий заклинания. Я открыла глаза. Незашторенные окна все еще были распахнуты, и в них темнело ночное небо, на котором светили удивительно яркие звезды. А потом снова раздался все тот же голос – сквозь треск репродуктора слышалось: «Аллах-хххххххххххх». Последний звук колыбался в темноте, как нота, которую долго тянет певец. Действительность начала восста-

навливаться в сознании. Марокко. Эс-Сувейра. Отель. Номер, в котором мы проведем весь следующий месяц. Мой муж, свернувшийся калачиком в углу кровати: он все еще крепко спал, пребывая в глубоком забытии. И я сама – подношу к лицу свои наручные часы и по положению светящихся стрелок определяю, что мы проспали почти полсутки. Мне нестерпимо захотелось в туалет. Я села в постели, покачиваясь совсем чуть-чуть после столь глубокого сна. Вентилятор над головой продолжал размеренно постукивать. Я спустила ноги с кровати, и мои голые ступни коснулись прохладного каменного пола. Ночью в Марокко температура была комфортная, дарившая приятное отдохновение от пекла, в котором мы ехали вчера. Я прошла в ванную, облицованную изразцами цвета ультрамарина, которые мгновенно вызывали в памяти небо и крыши Эс-Сувейры. Пол, тоже выложенный интересной бело-синей плиткой, как и все в номере, был чистым. Пусть месье Пикар и скользкий тип, но отель его отличала некая вульгарная элегантность.

После двенадцати часов сна я чувствовала себя удивительно бодрой. Правда, поскольку последний раз я мылась два дня назад, в Буффало, тело мое источало не самый приятный запах. Я достала туалетные принадлежности и сразу направилась в душ. Из горячего крана текла хорошо нагретая вода, которая не остывала все те двадцать минут, что я купалась. Выйдя из душа с полотенцем на голове и еще одним, обмотанным вокруг тела, я поймала свое отражение в

зеркале и содрогнулась. Не оттого, что я выглядела жалкой, постаревшей и побитой жизнью. Долгий сон изгнал следы изнуренности – глубокие морщины и темные круги под глазами – с моего лица, и теперь оно имело отдохнувший вид. Зеркало показало другое: что я тоже борюсь с неумолимым ходом времени.

Когда меня одолевают сомнения, я прибегаю к единственному известному мне способу, помогающему справиться с собственной неуверенностью: начинаю наводить порядок. И вот я открыла свой чемодан и оделась: холщовые брюки свободного покроя, голубая льняная сорочка. Потом открыла гардероб и минут пятнадцать развешивала и раскладывала свои вещи. Затем подошла к чемодану Пола и, помедлив с минуту, расстегнула его, зная, что муж всегда благодарен мне, если я беру на себя решение каких-то бытовых проблем. В его чемодане я обнаружила хаос. Рубашки, нательное белье, джинсы, носки, шорты – все было нестиранное, в ужасном состоянии. Сгрузив его вещи в корзину для грязного белья, что стояла в номере, я надела сандалии. Потом, взяв корзину, вышла из номера и по двум темным лестничным пролетам спустилась в вестибюль. За стойкой портье теперь спал другой мужчина – лет сорока пяти, худой, в джеллабе, с открытым ртом, в котором виднелись коричневые зубы, с дымящейся сигаретой, зажатой меж двумя пальцами. Я поставила корзину возле него и потянулась за ручкой и блокнотом с отрывными листками, что лежали на стойке, собира-

ьясь оставить записку с просьбой постирать нашу одежду. Но портье вдруг забормотал во сне, потом внезапно проснулся и, щурясь, уставился на меня.

– Простите, простите, – шепотом извинилась я и, показав на корзину, добавила: – *Linge*³³.

Портье наконец сфокусировал взгляд своих слезящихся глаз. Посмотрел на настенные часы, показывавшие двадцать восемь минут пятого утра.

– *Maintenant?* – спросил он. – *On est au beau milieu de la nuit*³⁴.

Прежде чем я успела сказать ему, что стирка подождет до утра, он исчез за дверью, что находилась за стойкой, и через несколько минут вернулся с застенчивой юной девушкой – на вид ей было лет четырнадцать – в простом платье из полосатой бумажной ткани и в платке, скрывавшем ее волосы. Вид у нее был сонный.

– Незачем было ее будить, – сказала я.

Портье лишь пожал плечами, потом что-то протараторил девушке на арабском, показывая на корзину. Она ответила – нерешительным, робким голоском.

– *Laver et repasser?*³⁵ — уточнил портье.

– Да, да, – подтвердила я. – И это мне понадобится утром.

---

³³ *Linge* – здесь: белье в стирку (*фр.*).

³⁴ *Maintenant? On est au beau milieu de la nuit.* – Прямо сейчас? Посреди ночи? (*фр.*)

³⁵ *Laver et repasser?* – Постирать и погладить? (*фр.*)

Он снова что-то сказал девушке по-арабски. Чувствовалось, что она стесняется открывать рот перед двумя взрослыми, тем более что один из них не говорит на ее родном языке. Но все же она ответила. Портье повернулся ко мне и объяснил:

– Вам придется подождать, пока солнце высушит вашу одежду.

– Не могу с этим не согласиться. – Я улыбнулась девушке. Она улыбнулась в ответ. – *Shukran*, – произнесла я, что значит «спасибо» по-арабски – одно из немногих слов, которые я знала.

Я сунула в руку девушке купюру в 50 дирхамов, извиняясь за то, что по моей вине ее подняли среди ночи.

– *Afwan*, – сказала она, расплывшись в улыбке. *Пожалуйста*.

Взяв корзину с бельем, девушка удалилась.

– У меня к вам последняя просьба, – снова обратилась я к портье. – Поскольку вся одежда моего мужа в стирке, может, у вас есть халат или еще что-то, что он мог бы надеть?

– *Une djellaba pour votre mari?*

– *Oui, oui.*

– *Attendez là*³⁶.

В этот момент уже знакомый мне голос снова запел из репродуктора. «Аллахххххххххх». Последний звук, будоража-

---

³⁶ – *Une djellaba pour votre mari?* – Джеллабу для вашего мужа? (*фр.*)– *Oui, oui.* – Да, да (*фр.*)– *Attendez là.* – Подождите (*фр.*).

щий, мелодичный, тянулся так долго, что мне захотелось выйти на улицу и посмотреть, откуда он раздается.

Выйдя из украшенной резьбой синей арки гостиницы, я оглядела улицу – немощеную и настолько узкую, что на ней не смогли бы разъехаться два автомобиля. Тот же голос – теперь он звучал громче – возобновил свое монотонное песнопение. Я отошла от входа. Десять шагов в сторону, и меня окутала темнота: неприветливые двери, запертые магазины с закрытыми ставнями, крохотные тропинки, ответвлявшиеся от этой тесной улочки. Я понимала, что не должна здесь находиться. Как будто я попала в черный лабиринт. Но голос продолжал манить меня вперед, приглашая углубиться во мрак, заставляя забыть про страх.

Потом я увидела кошку. Она висела на стене прямо передо мной, будто наклеенная на крошащийся камень. Истощенная, грязная, боязливая. Какой же ужас загнал ее на эту стену? Кошка льнула к ней, зависнув, словно парализованная, в вертикальном положении. Я застыла в оцепенении как замороженная. Зрелище было столь невероятное, столь жуткое – казалось, ее всеми четырьмя лапами пригвоздили к стене, – что я почувствовала, будто на мое голое плечо легла чья-то ледяная рука.

А потом на одно мое плечо действительно легла чья-то ледяная рука.

Меня окружили трое. Они появились ниоткуда. Мужчина лет пятидесяти пяти с неопрятной седоватой щетиной на ли-

це, тремя зубами во рту и диким взглядом. Дебелый юноша – я дала бы ему не больше восемнадцати лет – в футболке, не закрывавшей его волосатого живота; лицо сальное, глазки так и бегают по моей фигуре, на губах – глупая улыбка. Рука принадлежала сутулому парню с желтушной кожей и пугающе тусклым выражением лица. От прикосновения его пальцев я подпрыгнула на месте. Стряхнув с себя его руку, я резко повернулась и увидела, что он смотрит на меня как полоумный.

– *Bonjour, madame*, – шепотом произнес дебелый юноша.

Седоватый мужчина, едва заметно улыбаясь, попыхивал окурком. Та же рука вновь легла на мое плечо. Я снова ее сбросила и прошипела:

– Оставьте меня.

– Не бойся, не бойся, – сказал дебелый юноша, подходя ко мне. Вблизи его лицо показалось мне еще более скабресным. – Мы – друзья.

Я попыталась уйти, но костлявые пальцы сутулого парня сомкнулись на моей руке. Не для того, чтобы удержать, – скорее ему просто хотелось потрогать меня. Я судорожно сообщала. Дебелый юноша, предположила я, схватит меня, хотя сейчас пока он просто топтался сзади, тихо посмеиваясь. А седой мужчина, хоть он и стоял близко, просто наблюдал: мой страх его явно забавлял.

– Ты нам нравишься, – заявил дебелый юноша со смешком, от которого бросало в дрожь.

Сутулый парень крепче стиснул мою правую руку. Стараясь успокоиться, я сделала глубокий вдох. Прикинула, что стою к нему достаточно близко и сумею обезвредить его, коленом нанеся парализующий удар в пах. Я начала считать про себя: один, два...

Потом поднялся шум. Какой-то мужчина с палкой в руке бежал к нам, выкрикивая одно и то же слово:

– *Imshi, imshi, imshi*³⁷.

Это был ночной портье из отеля. Он размахивал над головой палкой, готовый пустить ее в ход. Трое моих «знакомцев» кинулись врассыпную, а я, замерев от ужаса, осталась стоять как стояла.

Портье добежал до меня, взял за руку, как отец нерадивого ребенка, угодившего в неприятности, и повел по улице, подальше от опасности.

Когда мы добрались до отеля, он буквально втолкнул меня в дверь, а сам ненадолго присел, чтобы прийти в себя. Потрясенная, оцепеневшая, чувствуя себя последней душой, я тоже грузно опустилась на стул.

Трясушимися руками ночной портье взял сигареты и закурил. Сделал затяжку, успокаиваясь, и произнес два слова:

– *Jamais plus.*

Никогда больше так не делай...

---

³⁷ *Imshi* – в переводе с арабского «уходите», «прочь».

Глава 6

Jamais. Jamais plus. Jamais plus.

Я сидела на балконе нашего номера, наблюдая, как постепенно светлеет ночное небо. Меня все еще трясло после инцидента на улице.

Jamais plus. Jamais plus. Jamais plus.

Но мои бичующие призывы «Никогда больше так не делай...», пожалуй, имели отношение не столько к поведению тех мужчин, что пристали ко мне, сколько были направлены против собственной самонадеянности и собственного легкомыслия. И о чем я думала? Как мне вообще пришло в голову выйти ночью на улицу в поисках голоса из репродуктора? Бухгалтер во мне пытался проанализировать ночной инцидент, отделяя эмоциональную составляющую – опасность, страх – от голых фактов. Неужели они и в самом деле собирались наброситься на меня и изнасиловать? Или я просто вызвала у них любопытство?

Мой спаситель-портье принес мне мятный чай. Проворно и бесшумно он вошел в номер и поставил поднос на балконе, не разбудив Пола. Мой муж все так же крепко спал на кровати, не ведая о том, что недавно случилось. Глядя с балкона на угасающие созвездия, я пришла к выводу, что при всей гадливости и агрессивности тех мужчин сексуальное надругательство как таковое мне не грозило. Но сама я,

безусловно, проявила безрассудство, выйдя ночью на незнакомую улицу. И я не прощу себе подобную импульсивность, пока не пойму, что толкнуло меня навстречу опасности.

– Привет.

В дверях, ведущих на балкон, стоял Пол, в белой джеллабе, которую ночной портье принес вместе с мятным чаем.

– Долго же ты спал, – заметила я.

– А ты?

– Почти столько же.

– А одежды моей, я вижу, нет.

– Ее стирают, прямо сейчас. А джеллаба тебе идет.

– У французов есть специальное слово для обозначения стареющих хиппи, одетых так, будто они только что выползли из наркопритона, – *baba-cool*. Джеллабу я никогда не носил даже тогда, когда жил здесь целый год.

– Но она прекрасно дополняет твой имидж стареющего хиппи.

Пол наклонился и поцеловал меня в губы.

– Сам напросился, да? – сказал он.

– Ода.

Теперь я наклонилась и поцеловала мужа.

– Чаю?

– С удовольствием.

Я налила два стакана. Мы чокнулись.

– *À vous*, – произнес Пол.

– За нас, – вторила я.

Он взял меня за руку. Мы вместе смотрели на нарождающийся день.

– Знаешь, как называют это время суток?

– Помимо «рассвета»?

– Да, помимо «рассвета» или «зари».

– Последнее определение очень поэтично.

– Как и «синий час».

В разговоре возникла пауза, пока я осмысливала это словосочетание. Потом сама попробовала его произнести:

– Синий час...

– Красиво, да?

– Красиво. Уже не темно, еще не светло.

– Час, когда все рисуется не тем, чем является на самом деле. Когда все сущее мы воспринимаем на грани воображения.

– Одновременно четко и размыто?

– Ясно и расплывчато? Загадочность под маской простоты?

– Интересный образ, – заметила я.

Пол нагнулся ко мне и пылко поцеловал:

– *J'ai envie de toi*³⁸.

И я тоже страстно его желала. Особенно после столь долгого живительного сна. После инцидента на темной улице. В обволакивающих красках «синего часа».

Он поднял меня с шезлонга. Его ладони скользнули под

---

³⁸ *J'ai envie de toi*. – Я желаю тебя (фр.).

мою футболку. Я привлекла его к себе. Пол уже был возбужден. Не разжимая объятий, мы дошли до кровати. Некоторое время спустя я, зубами впиваясь в его плечо, снова и снова достигала оргазма. А потом и он, застонав, задрожал в экстазе.

После мы лежали в обнимку, потрясенные и, да, счастливые.

– Наше приключение начинается, – промолвила я.

– В синий час.

Однако за окном спальни уже рассвело, светило солнце.

– Синий час миновал, – заметила я.

– До вечернего заката.

– Начало дня всегда более загадочно, чем вечер.

– Потому что не знаешь, что ждет впереди?

– Ко времени заката большая часть дня уже прожита, – объяснила я. – На рассвете еще неведомо, что случится.

– Наверно, поэтому на рассвете синева всегда более синяя. А на закате всегда более грустно. Закат знаменует наступление ночи, а значит, еще один день жизни клонится к своему завершению.

Пол поцеловал меня в губы:

– Как говорят ирландцы, «мы с тобой в полном согласии».

– Откуда ты знаешь это выражение?

– Друг один сказал, из Ирландии.

– Что еще за друг из Ирландии?

– Давно это было.

– Женщина?

– Может быть.

– Может быть? То есть ты не уверен, что тебе это сказала некая женщина из Ирландии?

– Ну хорошо, раз уж ты спросила, звали ее Шивон Парсонс. Она преподавала в Университетском колледже Дублина, неплохой художник. Год провела в университете Буффало. Не замужем. Чокнутая, как фонарь, говоря ее же словами – еще одно ее любимое выражение. Наша связь длилась, может быть, месяца три, не больше. И было это двенадцать лет назад, когда мы с тобой даже не подозревали о существовании друг друга.

Пол так много утаивал о своей жизни до знакомства со мной, хранил ту свою жизнь за семью печатями: «Вход воспрещен». А я в глубине души ревновала мужа к его прошлому. Ревновала к женщинам, которые близко знали его до меня. Ни один мужчина не доставлял мне столь полного наслаждения, как он, и мне претило, что на свете есть другие женщины, которые испытывали то же, что и я, во время интимной близости с ним. Думая сейчас обо всем этом, я понимала, что веду себя нелепо. *Глупо. Глупо. Глупо.* Так же глупо, как и минувшей ночью, когда вышла на темную улицу.

– Прости, – прошептала я.

– Не извиняйся. Просто будь счастлива.

– Я счастлива.

– Рад это слышать, – сказал Пол, целуя меня.

– Проголодался? – спросила я.

– Умираю с голоду.

– Я тоже.

– Но в таком наряде вниз я не пойду.

– А мир за окном манит. Неужели ты в самом деле думаешь, что кому-то есть дело до того, что ты одет, как местный?

– Мне есть дело.

– А мне – нет, – заявила я. – Надеюсь, мое мнение что-то да значит.

– Значит. Но я все равно дождусь свою одежду.

– По-моему, есть фильм, в котором один из героев произносит такие слова: «Пойдем со мной в касбу³⁹?», да?

– Шарль Буайе⁴⁰ говорит эту фразу Хеди Ламарр⁴¹ в «Алжире»⁴².

– Впечатляет, – сказала я. – Так пойдем со мной в касбу.

– Здесь это называется не *касба*, а *сук*⁴³.

---

³⁹ Касба – в первоначальном значении – «цитадель» по-арабски. Название «касба» принято прежде всего в странах Магриба. В Марокко под касбой подразумевают ограниченное стенами крепостное сооружение на территории медины (старого города).

⁴⁰ Шарль Буайе (1899–1978) – амер. актер французского происхождения; четырежды номинировался на премию «Оскар».

⁴¹ Хеди Ламарр, урожденная Хедвига Ева Мария Кислер (1914–2000) – популярная в 1930–1940 гг. австрийская, затем американская актриса кино, а также изобретатель.

⁴² «Алжир» (Algiers) – амер. фильм (1938 г.) амер. режиссера Джона Кромуэля (1887–1979).

⁴³ Сук (рынок) – торговая часть и коммерческий центр города в арабских стра-

– В чем разница между *касбой* и *суком*?

– Загадка, – ответил Пол.

Глава 7

Сук в полдень. На синем небе ни облачка. Над головой – безжалостное солнце, заставлявшее подниматься ртутные столбики термометров до температуры в парилке. Но здесь внизу, в Эс-Сувейре, народ, толкавшийся вокруг нас, будто и не замечал немилосердной жары. Жары, столь жгучей, что земля, казалось, плавилась под ногами.

Сук в полдень. Лабиринт улочек, заставленных торговыми палатками и магазинами, и потайных переулков, которые выводили на другие, еще более тесные улочки, где всевозможные торговцы навязывали свой товар. Народу уйма – яблочку негде упасть. От обилия разноцветья в глазах рябит. Вся улица – это ряды горок рыжих, бордовых, алых, пунцовых, каштановых, бурых и даже зеленовато-желтых специй, сформованных по подобию минаретообразных муравейников. Контраст им составляли аквамариновые, ультрамариновые, бирюзовые и лазурные изразцы с затейливым орнаментом, выставленные на продажу одним торговцем, который выложил из них на земле мозаику – поразительно, что этот керамический ковер все без труда обходили стороной. Красные куски мяса, истекающие кровью подвешенные ноги и жирные бочки, вокруг которых кружили полчища алчных мух. Рулоны ткани ярких цветов – кирпичного, морской волны, охрового, белого, неоноворозового, лососевого. Лотки

с изделиями из кожи всех оттенков хаки, коричневого и дубильного цветов, украшенной великолепным тиснением. А круговерть запахов, соблазнительных и не очень, настоящее испытание для обоняния. Зловоние нечистот смешивается с ароматом пряностей; едкий дух соленого моря перебивает благоухание цветов. И всюду, где бы мы ни проходили, у обочины дымится мятный чай.

Добавьте к этому сумасшествие звукового сопровождения. Из динамиков вопит французская и марокканская поп-музыка. Орут разносчики. Торговцы заывают нас криками: «*Venez, venez!*⁴⁴». Как минимум с двух стратегически расположенных минаретов речитативом распевали наперебой два муэдзина – так по-арабски назывались, сообщил мне Пол, владельцы этих трубных голосов. Тарахтели мотоциклы и мотороллеры; их водители маниакально сигналили, подпрыгивая на выбоинах, коими была изрыта земля, объезжая лотки с манго и апельсинами, как на картине Ван Гога, и овощные прилавки с красными помидорами. Какой-то мужчина все пытался схватить меня за руку и затащить в угол базара, где высилась геометрическая скульптура с метр высотой, сложенная из кусков мыла разных цветов – слоновой кости, медного, карамельного, эбенового.

Несмотря на близость Атлантики, воздух был до того выжженный и раскаленный, что через пятнадцать минут ходьбы по рынку моя одежда – свободная футболка, холщовые

---

⁴⁴ *Venez, venez!* – Здесь: сюда, сюда! (*фр.*)

штаны – пропиталась потом. Равно как и футболка с шортами, что надел Пол, когда утром его вещи принесли из прачечной (он не поступился своим принципом «в джеллабе на улицу ни ногой»). К тому времени мы уже успели сытно позавтракать на террасе. Потом занялись обустройством «мастерской под открытым небом», как выразился Пол. По его просьбе я помогла ему вынести на балкон стол из маленькой гостиной, который мы поставили в углу, под свесом кровли, откуда ему открывался прямой обзор на крыши домов. Сказав, что сейчас придет, Пол выбежал куда-то и через десять минут вернулся с ярким полосатым зонтиком, который, по его словам, он купил в одной из местных лавок. Установив пластиковую подставку так, чтобы зонтик закрывал от солнца весь стол, Пол стал готовить свое рабочее место. Открыл папку с чистыми листами для рисования, аккуратно разложил на лакированной поверхности стола восемь карандашей. Потом надел шляпу «сафари», сел и, глядя на крыши, принялся запечатлевать на бумаге их замысловатую архитектуру. Стоя в дверях балкона, я добрых десять минут наблюдала за работой мужа. Меня восхищали точность и глубина его восприятия, поразительное умение выдерживать линию, погруженность в выполняемую работу, кроме которой, казалось, он ничего вокруг не замечает, жесткая самодисциплина, просыпавшаяся в нем, когда он рисовал. Я смотрела на него и ощущала странный прилив любви к этому очень талантливому, взбалмошному человеку.

Я ушла с балкона и организовала собственное рабочее место: ноутбук; блокнот «Молескин»⁴⁵, купленный перед отъездом; старая авторучка «Шейфер»⁴⁶, принадлежавшая моему отцу, – красная, с хромированной отделкой, напоминавшей гребни на винтажном «шевроле». Отец всегда заполнял ее красными чернилами, что неизменно забавляло маму. «Вся твоя жизнь сводится к тому, чтобы запастись красными чернилами», – частенько говорила она ему. Но отец однажды объяснил мне, что этот цвет он любит за сочный оттиск, что тот оставляет на бумаге:

– Как будто написано кровью.

Только я собралась сделать в своем блокноте первую алую запись, ожил телефон на тумбочке у кровати. Я сняла трубку и услышала голос портъе, сообщившего мне:

– Здесь внизу вас ждет учитель французского.

Месье Пикар оказался весьма расторопен, ведь репетитора я попросила его найти только вчера.

Я направилась из номера, а Пол крикнул мне вдогонку:

– Человек, что будет давать тебе уроки, кто бы он ни был,

---

⁴⁵ «Молескин» (Moleskine) – торговая марка итальянской компании «Modo & Modo», производящей канцелярские товары, преимущественно записные книжки. Классический «молескин» представляет собой черный блокнот в твердом переплете, запирающийся на эластичную ленту, с закладкой ляссе, а также кармашком для визиток на задней обложке. Отличительной особенностью блокнотов является первая страничка, куда вписывают имя владельца.

⁴⁶ «Шейфер» (Sheaffer) – амер. компания по производству элитных ручек для письма. Основана в 1907 г.

нуждается в работе. Больше, чем на семьдесят пять дирхамов в час, не соглашайся.

– Но это же всего девять долларов.

– Здесь это большие деньги, поверь мне.

Спустившись в вестибюль, я увидела у стойки портье застенчивую молодую женщину. Несмотря на то что пришла она в хиджабе – в головном платке, позволявшем видеть все ее лицо целиком, – на ней были синие джинсы и цветастая блузка, которая, даром что полностью скрывала ее шею и плечи, смотрелась бы вполне уместно в обществе 1960-х годов. Этаким налет хиппового шика в стиле ретро. Сразу было видно, что перед вами молодая женщина, застигнутая на границе двух несопоставимых миров.

Я протянула ей руку. Она пожала ее. Рукопожатие у женщины было некрепкое, ладонь влажная – верные признаки того, что она пребывает в крайнем волнении. Стараясь избавиться от смущения, я жестом предложила ей пройти к двум пыльным креслам в углу вестибюля, где мы могли бы побеседовать в спокойной обстановке, и попросила портье принести нам два стакана мятного чая. Женщина страшно робела и, казалось, была готова во всем мне угодать. Звали ее Сорайя. Берберка с самого юга страны, из области, расположенной в глубине Сахары. Сорайе было двадцать девять лет, она преподавала в местной школе. Ненавязчиво расспрашивая ее о том о сем, я выяснила, что Сорайя окончила университет в Марракеше и даже год проучилась во Франции.

Визу ей продлить не удалось, и она вернулась домой. Языки были ее страстью. В дополнение к местным – арабскому и французскому, – она освоила английский и теперь учила испанский.

– Но с марокканским паспортом трудно жить и работать где-то еще, – посетовала она мне.

– Значит, вы никогда не жили ни в Англии, ни в Штатах? – уточнила я, восхищаясь ее познаниями в английском языке, на который мы время от времени переходили, хотя с первых минут договорились, что в общении будем придерживаться правила «только на французском».

– Это моя мечта... побывать в Нью-Йорке или в Лондоне, – призналась она со стеснительной улыбкой. – Но если не считать Франции, больше я нигде не бывала за пределами Марокко.

– Как же вам удалось так хорошо выучить мой язык?

– Учила его в университете. Смотрела все, какие можно, американские и английские фильмы, а также телевизионные программы. Читала много романов...

– Какой ваш любимый американский роман?

– Мне очень понравилась книга «Над пропастью во ржи»⁴⁷... Холдена Колфилда я считала своим героем, когда мне было пятнадцать.

---

⁴⁷ «Над пропастью во ржи» (The Catcher in the Rye) – роман амер. писателя Дж. Сэлинджера (1919–2010). Впервые был напечатан в 1951 г. Холден Колфилд – главный герой романа.

Я поведала ей, что французский начала учить в Канаде и этим летом, приехав сюда с мужем-художником, решила во что бы то ни стало за месяц освежить свои познания в этом языке.

– Но вы и так хорошо на нем говорите, – заметила Сорайя.

– Вы мне льстите.

– Я констатирую факт... хотя иностранный язык нужно постоянно поддерживать в рабочем состоянии, иначе он забывается.

Она поинтересовалась, как я узнала про Эс-Сувейру. Спросила, чем Пол занимался в Марокко, когда был здесь более тридцати лет назад. Полюбопытствовала, где мы живем в Штатах и понравится ли ей Буффало.

– Буффало нельзя назвать очень уж космополитским или утонченным городом.

– Но ведь вы там живете.

Теперь пришла моя очередь покраснеть.

– Не всегда удается жить там, где хотелось бы, – ответила я.

На мгновение закрыв глаза, она нагнула голову и согласно кивнула.

– Итак, если я хочу за месяц восстановить беглость своей французской речи, сколько часов в неделю мне необходимо заниматься? – спросила я.

– Это зависит от вашей занятости.

– Я не намечала никакой программы. У меня нет никаких

особых планов, никаких обязательств, никаких неотложных встреч. А у вас?

– Я преподаю в младших классах, в «начальной школе», как у вас говорят. Где учатся дети шести – девяти лет. Но каждый день после пяти я свободна.

– Если я предложу заниматься по два часа в день...

– А по три сможете? – спросила Сорайя.

– Сколько стоят ваши услуги?

Она покраснела еще гуще.

– Вы не тушуйтесь, – сказала я. – Речь идет об оплате, а денежные вопросы лучше утрясти с самого начала.

Боже, говорю, как истая американка. Карты на стол. Называй свою цену, и мы ее обсудим.

– Семьдесят пять дирхамов в час для вас не очень дорого? – помедлив с минуту, спросила она.

Семьдесят пять дирхамов – это чуть меньше девяти долларов.

– Думаю, это слишком мало, – тут же сказала я.

– Но я не хочу просить больше.

– Зато я хочу предложить вам больше. Вы согласитесь учить меня за сто пять дирхамов в час?

В лице Сорайи отразилось потрясение.

– Но за неделю наберется огромная сумма.

– Если б я не могла себе ее позволить, я бы вам не предлагала, уверяю вас.

– Тогда ладно, – промолвила она, отводя глаза, но теперь

на ее губах играла едва заметная улыбка. – Где будут проходить занятия?

– Я живу здесь в полулюксе на верхнем этаже. Прежде я должна согласовать это с мужем... но, думаю, все будет нормально.

– А можно узнать... чем вы занимаетесь в плане профессии?

– Ничего интересного.

Когда я сказала, что работаю бухгалтером, она, я видела, постаралась сохранить невозмутимость. Я также чувствовала, что ей хочется спросить, есть ли у меня дети и где они сейчас. Но, может быть, я просто проецировала на эту робкую, но наблюдательную молодую женщину свои собственные проблемы и сомнения.

– У вас, я уверена, очень интересная работа, – сказала Сорайя.

– Считая чужие деньги, очень много узнаешь о жизни других людей. Как бы то ни было... мы могли бы приступить уже завтра?

– Не вижу препятствий.

– Отлично... и... вы купите для меня все необходимые учебники?

Я вручила ей 300 дирхамов, сказав, что, если они обойдутся дороже, после первого занятия я возьму ей затраты.

– Трехсот дирхамов будет достаточно, – заверила Сорайя. – Завтра принесу.

– Вы хотите, чтобы я платила вам каждый день или раз в неделю?

Она снова отвела глаза:

– Как вам удобно. Если будете платить по пятницам, банк открыт до девяти вечера, и я смогу большую часть денег класть на счет.

А-а, копит.

– Ладно, оплата по пятницам. И последнее... откуда вы знаете месье Пикара?

– Моя мама работает здесь горничной.

Пару секунд я подумала над своими словами и сказала:

– Она, я уверена, гордится вами.

Сорайя кивнула в знак согласия, но при этом отвела взгляд. Я сказала ей, что мне не терпится стать ее ученицей и что я жду ее завтра, и поднялась наверх. Пол все еще сидел на балконе под зонтиком, на столе перед ним лежали в беспорядке с полдюжину рисунков. По его лицу струился пот; рассредоточенный взгляд, как у контуженого, говорил о том, что у него тепловое истощение. Я схватила литровую бутылку воды, что стояла у кровати, и заставила его утолить жажду. Он одним махом выпил полбутылки, пошатываясь, зашел в номер и рухнул на кровать.

– С ума сошел? Солнечный удар захотел получить? – отчитала я мужа.

– Когда приходит вдохновение, не замечаешь потоотделения.

– Но ведь кто-кто, а уж ты-то знаешь, какое здесь коварное солнце.

– Принеси мои рисунки, пожалуйста, пока они не поблекли от солнца.

Я прошла на балкон, собрала со стола шесть рисунков, лежавших на солнце, и занесла их в комнату. Просматривая наброски один за другим, я почувствовала, как у меня перехватило дыхание. То, что предстало моему взору, сразило меня наповал. Это были с полдюжины вариаций на одну и ту же визуальную тему: верхушки зданий и сооружений, видимые с нашего балкона. Примечательны эти рисунки были тем, что в каждом из них Пол по-новому запечатлел свое видение минаретов, водонапорных башен, облезлых крыш, сохнущего белья и спутниковых тарелок, формирующих линию горизонта Эс-Сувейры. В какой-то момент я подняла голову, охватывая взглядом панораму, которая легла в основу созданной Полем серии искусных карандашных композиций. Потом снова переключила внимание на его детально прорисованные картины, восхищаясь совершенством техники исполнения. Более того, в совокупности эти его работы напоминали мне, что нет такого понятия, как правильное видение положения вещей, что каждый из нас одни и те же предметы, пейзажи, жизненные обстоятельства воспринимает по-своему. Соответственно, по природе своей все в нашей жизни – интерпретация.

– Гениально, – с восторгом произнесла я.

– Интересно, кто из нас двоих перегрелся на солнце? Это ж всего несколько набросков, которые я сделал за пару часов.

– Моцарт частенько за одно утро писал фортепианную сонату.

– Так то ж Моцарт.

– Ты невероятно талантлив.

– Жаль, что не могу полностью разделить твое мнение обо мне.

– Жаль. Но, на мой дилетантский взгляд, эти твои работы знаменуют совершенно новое направление в твоём творчестве.

– Ты необъективна.

– Нет, правда. Великолепные рисунки.

Но Пол просто отвернулся, не в силах принять такую похвалу. Я поспешила перевести разговор в другое русло, сообщив:

– С завтрашнего утра я начинаю брать уроки французского. – Я рассказала мужу про Сорайю.

– И сколько она требует за час? – спросил он.

– Она попросила семьдесят пять, но я буду платить сто пять.

– Добрая душа.

– Только если это оправданно.

– Для нее даже семьдесят пять дирхамов в час – огромная сумма.

– А для меня – небольшие деньги. И что с того?

- Да ничего. Твое великодушие достойно восхищения.
- Как и твое беспокойство по поводу наших финансов.
- Язвишь? – спросил Пол.
- Давай не будем, ладно?
- С удовольствием.

Он встал и пошел в ванную.

Мгновением позже я услышала, как зашумел душ. Через десять минут, обмотав полотенцем нижнюю часть тела, Пол вернулся в спальню и заявил:

- Я правда хочу, чтобы мы были выше подобных перепадов.
- Я тоже.
- Тогда давай попытаемся обходить все эти глупости.
- Да, давай без колкостей, – согласилась я. – Пусть лучше будет доброта.

Пол поразмыслил с минуту:

- А что, это выход. – Он подошел и обнял меня. – Значит, с чистого листа?
- Не возражаю. – Я легонько коснулась губами его губ, а сама подумала, воспроизведу ли я этот наш диалог через день-два. Может быть, мне просто следовало принять, что это и есть единственно возможный механизм нашего брака, климат, в котором мы способны взаимодействовать как супружеская пара: жесткие мгновения неприятия перемежались периодами полнейшей идиллии и, если уж на то пошло, неповторимых приключений, имя которым любовь.

Приключение. Слово, которое я пытаюсь осмыслить с недавних пор. На следующий день, на первом занятии с Сорайей, я спросила, много ли значений оно имеет во французском. Она чуть покраснела, заметив:

– Да, «*une aventure*» – это «приключение». Но французы также часто этим словом обозначают любовный роман. «*J'ai eu une aventure avec Jacque... seulement une aventure, rien de bien sérieux*»⁴⁸.

Перевода не требовалось. «*Une aventure*» означало именно это – любовное приключение, которое любовью не являлось. Когда я спросила про семантические различия между «приключением» и «любовью», Сорайя объяснила:

– У французов если кто-то говорит – как это часто бывает – «*C'est l'amour*», то подразумевается серьезное, глубокое чувство – во всяком случае, на данный момент. В Лионе, когда я там жила, у меня было несколько подруг-француженок, и каждая, если встречалась с каким-нибудь парнем две-три недели, восклицала: «Я влюблена». Потом они расставались, на горизонте появлялся другой... и на четвертый день то же самое: «*Oh, c'est l'amour*». Я так часто слышала это восклицание, отчего у меня сложилось впечатление, что фраза «Я влюблена» выражает сиюминутное чувство, которому не дают окрепнуть. А также признание в том, что тебе нравится само состояние влюбленности.

---

⁴⁸ *J'ai eu une aventure avec Jacque... seulement une aventure, rien de bien sérieux.* – У меня с Жаком роман... просто интрижка, ничего серьезного (фр.).

– А в Марокко?

Теперь ее плечи напряглись.

– Мы отвлеклись, – сказала Сорайя, слегка похлопав ладонью по учебникам.

Я не выразила протеста, осознав, что по ошибке перешла невидимую черту, которую Сорайя старалась не переступить.

И мы снова принялись разбираться в особенностях сослагательного наклонения давнопрошедшего времени.

Занятие проходило в маленькой гостиной нашего полулюкса. Мы с Сорайей сидели на диване; учебники французского языка, что она купила, были разложены на журнальном столике. Пол работал на балконе, прячась от солнца, которое в половине шестого вечера все еще нещадно палило, под зонтиком и своей широкополой шляпой. Когда Сорайя постучала в дверь нашего номера, он вышел с ней поздороваться. Я видела, что от ее внимания не укрылись ни его долговязость, ни длинные седые волосы, ни разница в возрасте между нами. На нее также произвели впечатление (отметила я про себя) его беглый французский и рисунки, которые я расставила по комнате.

– Это все работы вашего мужа?

– Нравится?

– На них очень точно изображена Эс-Сувейра.

– По крайней мере, крыши Эс-Сувейры.

– А улицы он тоже будет рисовать?

– Это у него надо спросить.

– Быть замужем за таким талантом... Ваши дети...

– У нас нет детей.

Теперь Сорайя смутилась так, что сквозь землю готова была провалиться.

– Пока нет, – быстро добавила я.

В ее лице отразилось несказанное облегчение.

– Извините, – промолвила она. – Мое любопытство непростительно.

– Это вряд ли можно назвать любопытством.

– Мой вопрос был неуместен. Хотя я знаю, что на Западе супругам не обязательно заводить детей.

– И то верно. Мой первый муж детей не хотел.

– Поэтому вы от него ушли?

– И поэтому тоже.

– Понятно...

– Но Пол очень хочет, чтобы у нас были дети.

Сорайя, казалось, обрадовалась.

– А раньше детей у него не было? – спросила она и тут же добавила: – Или это тоже неуместный вопрос?

– Да нет, вовсе нет, – успокоила я ее.

– В Марокко люди женятся прежде всего для того, чтобы завести детей.

– И ты так считаешь?

Сорайя поразмыслила с минуту.

– Как я «считаю» и как на самом деле... это две разные вещи.

В первые десять дней занятий с Сорайей наши диалоги, не касающиеся французской грамматики, превращались в интригующие партии в словесный пинг-понг, в ходе которых ее врожденная осторожность и воспитанная культурной средой сдержанность зачастую вытеснялись крайним любопытством, причем ее интересовали не только факты моей биографии, но и как вообще женщина вроде меня живет в современной Америке. Между нами быстро установились доверительные отношения, хотя лишь только во вторую неделю занятий Сорайя стала приоткрывать завесу своей личной жизни. Очень скоро я поняла, что пребывание во Франции полностью изменило ее сознание и что она не горела желанием вернуться в Марокко.

– Значит, учась в университете, вы жили в самом кампусе? – удивилась Сорайя, когда я поведала ей, что уехала из дому получать образование в Университете штата Миннесоты.

– А разве во Франции или здесь как-то иначе? – спросила я.

– В Марокко, если едешь учиться в другой город, родители договариваются, чтобы ты жила у родственников.

– А когда ты училась в Лионе?

Сорайя плотно сжала губы.

– В Лион мне разрешили поехать только потому, что там живет мой дядя по отцовской линии, Мустафа. Они с женой уже тридцать лет там обитают. У него свое такси, он непло-

хо зарабатывает; она преподает в лицее. Так что они оба в какой-то степени вполне ассимилировались. Во всем, что не касается их обязанностей опекунов по отношению к своей племяннице из Эс-Сувейры. Весь год, что я у них жила, мы вели противоборство. Особенно когда они узнали, что я хожу на занятия не в хиджабе и даже переодеваюсь дома у одной из подруг. А о том, чтобы задерживаться допоздна, что, собственно, и стало происходить, когда в моей жизни появился Фабьен...

– Кто такой Фабьен? – спросила я. Но в это самое мгновение с балкона вышел Пол, направлявшийся в ванную, и наш откровенный разговор оборвался.

Чуть позже вечером, сидя вместе с Полом в небольшом ресторане, который полюбился нам с первых дней, я рассказала ему, что Сорайя упомянула некоего француза, с которым, как я подозреваю, она встречалась, когда год жила в Лионе.

– Мечта всех образованных марокканских женщин, – заметил Пол. – Встретить уроженца Запада, который увез бы их отсюда.

– Говоришь так, будто у тебя по этой части большой опыт.

– Разве я намекал на то, что у меня есть подобный опыт?

– Но у тебя же наверняка были марокканки, когда ты жил здесь.

– Что навело тебя на эту мысль?

– Потому что ты и сейчас очень привлекательный мужчи-

на, а в молодости, должно быть, и подавно был красавцем. Наверняка тесно общался со своими коллегами-художниками, вращался в кругу богемы Касабланки, ведь так? Разве среди вас не было какой-нибудь милашки, которая занималась абстрактной живописью и...

– К чему ты клонишь?

– К тому, что я хочу тебя прямо сейчас.

Часом позже мы лежали в постели в своем номере и, обвивая друг друга руками и ногами, сливались в самой невероятной метрономической симметрии. Пол шепотом клялся мне в любви, обещая чудесное будущее, не омраченное тенями прошлого. А я что? Конечно, я тоже признавалась ему в любви. В любви самой подлинной и настоящей, какую я только знала.

После, когда мы отдыхали, лежа в тесной близости, соединив руки, я проронила:

– Может быть, сегодня получилось.

Потому что наше соитие произошло точно в середине моего цикла. И потому что сегодня вечером наш обычный уровень пылкой страсти поднялся до головокружительных высот.

Пол легонько поцеловал меня в губы:

– Уверен, что получилось. Наконец-то Господь благословил нас.

За окном снова заголосил муэдзин, воздавая молитвы своему Всевышнему:

– Allahu akbar! Allahu akbar!

И я подумала про себя:

Безупречная точность, сэр.

Глава 8

Следующие две недели я купалась в счастье. Для меня счастье – всегда скоротечное событие. Несколько драгоценных часов, на время которых вся грязь повседневного существования куда-то отступает. Ты освобождаешься от страхов и патологий, которыми, как кажется, сопровождается все, чем занимаешься в жизни. Беда в том, что, живя с кем-то одной семьей, ты также находишься в плену страхов и патологий своего партнера. Поэтому, если наступает период, когда вам обоим вдруг удастся оторваться от всего негативного, что было с вами, – багаж, который вы вечно таскаете за собой... в общем, это одно из тех редких уникальных стечений обстоятельств, когда можно смело сказать: *Господь нас благословил.*

Те первые две недели в Эс-Сувейре были волшебными. Пол находился на пике творческого подъема, увлеченно работал над рисунками почти по шесть часов в день, переместившись с панорамного гнезда, коим являлся наш балкон, за столик одного из кафе в самом сердце сука, где он стал чем-то вроде местной знаменитости. Управляющий заведением – молодой парень лет двадцати пяти по имени Фуад, – по достоинству оценив мастерство Пола, взял на себя заботу о том, чтобы его никто без дела не отвлекал от работы, особенно уличные торговцы и зазывалы. Пол, в свою очередь,

в благодарность за покровительство и гостеприимство ежедневно рисовал для него небольшую картину типа открытки, которая выходила из-под его карандаша примерно через три-четыре часа работы в кафе, где он колдовал над линейным рисунком более крупного размера, всегда запечатлевая самую суть жизни сука в своеобразной репрезентативно-искривленной манере. Пол стремился передать на бумаге кинетику бурлящего вокруг него сумасшествия, ведь сук никогда не затихал даже на минуту, но при этом старался добиться эффекта одновременно осязаемости и некой размытости изображения.

Фуад был проницательным и практичным управляющим. Кафе принадлежало его отцу, почти все время проводившему в Марракеше, где, как он поведал однажды Полу, у того была любовница. Фуад учился во Франции – в марсельской школе Изыщных искусств, где он влюбился в свою коллегу-художницу из Тулона, которая не была мусульманкой. Отец Фуада охотно оплачивал трехлетнее пребывание сына по другую сторону Средиземного моря, но, когда курс обучения подошел к концу, он, взывая к чувству сыновьего долга, потребовал, чтобы тот расстался с надеждами посвятить свою жизнь искусству и любви к француженке. Фуаду пришлось вернуться в Марокко и постичь тонкости семейного бизнеса.

Теперь он управлял кафе и небольшим отелем, расположенным в суке, заменяя почти всегда отсутствовавшего от-

ца. Кафе находилось в углу медины, где рядом с прилавками торговцев специями и фруктами висели, обесцвечиваясь на полуденном солнце, мясные туши, которые разделяли мясники. Из кафе Пол наблюдал маниакально-красочную жизнь базара, которую он запечатлевал острым черным карандашом и углем на беловато-серой бумаге. Фуад, явно нуждавшийся в старшем брате (особенно в таком, который, как и он, разбирался бы в искусстве), настоял, чтобы Пол занял столик в тенистом уголке кафе, который превратился в его мастерскую, и на протяжении тех часов, что он работал, поил его мятным чаем. Фуад также кормил нас обоих обедом, но деньги брать отказывался. Вот тогда-то мой муж и стал ежедневно расплачиваться с ним новой оригинальной открыткой. Пол сказал мне, что эту идею он позаимствовал у Пикассо, который во время своего пребывания во французском приморском городке Коллиур в качестве платы за проживание и питание каждые несколько дней оставлял хозяину гостиницы по наброску... и в конце концов сделал его обладателем весьма прибыльной художественной коллекции.

– Фуад, конечно, вряд ли купит себе домик на Лазурном Берегу на выручку от моей мазни, – заметил как-то Пол, когда мы после обеда удалились в свою гостиницу, чтобы заняться сексом и немного прикорнуть.

– Не спеши недооценивать рыночную стоимость своих творений. Эта новая серия рисунков, над которой ты работаешь, настоящий прорыв в твоём творчестве.

Я и сама уверенно двигалась вперед. Занятия с Сорайей были насыщенными. По утрам я обычно корпела над учебниками, заставляя себя выучивать по десять новых глаголов и двадцать новых слов каждый день. Я также читала местные газеты, издававшиеся на французском языке, и купила маленький радиоприемник, чтобы слушать RFI⁴⁹ – французский аналог Всемирной службы Би-би-си.

– Серьезно вы настроены, – заметила Сорайя, когда, примерно через десять дней занятий, я удивила ее расспросами о французском «*soutenu*» – самом высоком и правильном стиле языка. – Bravo. Ваше прилежание достойно восхищения, – похвалила она меня. – Умение говорить на *français soutenu* открывает большие возможности. Если вы освоите этот стиль, французы будут в восторге.

– Если я когда-нибудь доберусь до Франции.

Сорайя вопросительно посмотрела на меня:

– Почему вы думаете, что никогда не посетите Францию?

– Я редко путешествую.

– Но сюда же приехали.

– Это зависит от многих обстоятельств.

– Разумеется.

– Но в принципе, – рассудила я, – *les enfants sont portables*.

(Дети транспортабельны)

---

⁴⁹ RFI (Radio France Internationale – Международное радио Франции) – сеть французских международных общественных радиостанций, которые ведут радиовещание во всем мире на французском и иностранных языках.

– Слово «portable» здесь не подходит. *Un portable* – это мобильный телефон или ноутбук. В данном случае нужно употребить глагол «transporter». Попробуйте перефразировать.

Я столь упорно занималась, чтобы вернуть свой французский в рабочее состояние, по одной простой причине. мною двигало желание достичь совершенства. Мне хотелось с пользой проводить время в Эс-Сувейре. И, наблюдая за Полом, увлеченным собственной работой, я трудилась еще усерднее, как я и объяснила ему, когда он похвалил мои успехи.

Городок Эс-Сувейра стал для нас родным. В общем и целом я постигла географию лабиринтообразного старого города и теперь спокойно ориентировалась в суке. Я также научилась уклоняться от нежелательного внимания какого-нибудь назойливого торговца или молодого парня, которому вздумалось поиграть в мачо. Но, хоть я уже начинала чувствовать себя привычно в буйстве хитросплетений Эс-Сувейры, с наступлением темноты одна на улицу я выходить не осмеливалась. Правда, это не мешало мне по достоинству оценить город. И никак не влияло на мое отношение к местным жителям. В большинстве своем, как я смогла убедиться, это были очень гостеприимные люди, которые искренне радовались тому, что ты решил пожить среди них.

Я пристрастилась к прогулкам по побережью. Почти каждый день после полуденной сиесты я шла бродить по беспредельной песчаной полосе, тянувшейся вдоль Атлантическо-

го океана. Минуя купальщиков, я встречала женщин в хиджабах, которые, приподняв полы своих джеллаб, входили в воду. Неподалеку погонщик верблюдов предлагал за доступную плату получасовую прогулку верхом на одном из своих горбатых животных. Еще пару километров в южном направлении, и все следы обитания человека исчезали. Я оставалась одна. Берег убежал в бесконечность, в водах Атлантики отражалось летнее солнце, медленно заходящее за необозримый горизонт. Как же я всегда мечтала жить у моря, где мало что напоминает о цивилизации двадцать первого века, ежедневно гулять по берегу, с наслаждением слушая ритм прибоя, который неизменно сглаживает на время стресс, сомнения и тревоги, что постоянно волочатся за нами. Ведь мы пленники своих судеб и этим в каком-то смысле похожи на бедуинов. Куда бы мы ни отправились, как бы далеко ни осмелились уйти от того места, где мы родились, прошлое все равно шлейфом тянется за нами.

На пустынном берегу – особенно на *этом* пустынном берегу – почти удастся убедить себя, что все-таки можно оторваться от своего прошлого и его груза.

Эс-Сувейра оказывала на Пола благотворное влияние. Казалось, здесь он был свободен от бремени прожитого. Когда я возвращалась в номер со своей двухчасовой прогулки, мой муж неизменно приветствовал меня с улыбкой и целовал, а затем предлагал, чтобы после моего занятия с Сорайей мы пошли смотреть закат с крыши шикарного отеля, на-

ходившегося в стенах старого города. Отель назывался «Синий час» (подумать только!) – гостиница старого типа 1920-х годов, отремонтированная и обустроенная в лучших традициях изысканной элегантности пятизвездочного заведения. Сама гостиница была нам, конечно, не по карману, но по бокалу кира⁵⁰ на крыше под открытым небом мы могли себе позволить. А оттуда открывалось действительно захватывающее дух зрелище – красный солнечный шар, медленно растворяющийся в безмятежных водах океана.

– Удивительно, да, до чего Атлантика здесь спокойная, – заметил Пол однажды вечером, когда мы, потягивая коктейли, зачарованно смотрели на грандиозную панораму заката.

– Особенно по сравнению с Мэном.

– Мы будем там уже через пару недель.

– Знаю, – проронила я.

– Что-то не слышу я энтузиазма в твоём голосе.

– Ты же знаешь, как я люблю Мэн. Просто... ведь мы там постоянно живем, да?

– Да, согласен. Так, может, продлим наше пребывание здесь еще на две недели?

– Но тогда мы не сможем поехать в Мэн... и потеряем деньги, что уплатили за двухнедельный отдых. Наши билеты на самолет ни обмену, ни возврату не подлежат... да, да, я

---

⁵⁰ Кир (фр. *kir*) – коктейль из белого сухого вина и черносмородинового ликера. Изобретен в Бургундии и назван в честь героя Сопrotивления священника Феликса Кира (1876–1968), мэра Дижона в послевоенные годы, где изготавливается смородиновый ликер *Cassis de Dijon*.

знаю, что говорю, как бухгалтер.

– И правильно делаешь, ведь надо учесть, что сам я во всем, что касается денег, полный раздолбай.

– Это уже в прошлом, – сказала я.

– Ты заставила меня повзрослеть.

– Дело не в «повзрослеть». Просто нужно было научиться сдерживать себя.

– Да, я испытываю потребность тратить деньги, я знаю, – признал Пол. – А все потому, что жизнь моя текла совсем не так, как я хотел, и я это допустил. Пока не встретил тебя. Ты спасла меня от самого себя.

– Рада, что смогла помочь. – Я легонько поцеловала его в губы.

Чуть вдалеке перед нами разжиженное солнце, словно разлитая краска, бесформенным оранжевым пятном лежало на поверхности Атлантики. Я зажмурилась, сдерживая на-вернувшиеся на глаза слезы. Ибо почувствовала, что некий барьер, разделявший нас, и вправду рухнул, исчезли демоны, мешавшие нам до конца быть откровенными друг с другом, препятствовавшие полному взаимопониманию.

Утро следующего дня выдалось просто идеальным. На безупречно ясном аквамаринном небе не было ни облачка. В тот день мы заспались, и разбудил нас стук в дверь, внезапно нарушивший наш крепкий здоровый сон. Глянув на часы у кровати, я увидела, что уже полдень. Черт, черт, черт. Со-райя попросила, чтобы сегодня мы провели урок пораньше

(это была пятница – священный день отдохновения в Марокко) и, если можно, занимались всего час. Она хотела успеть на двухчасовой автобус до Марракеша, где собиралась провести выходные со своей университетской подругой.

– Мне пришлось попросить маму подруги, чтобы она позвонила моей маме и поклялась, что будет присматривать за мной, пока я у них в гостях. Мне двадцать девять лет, а я все еще обязана отчитываться за каждый свой шаг, как подросток, – доверительным шепотом пожаловалась она мне.

Я согласилась перенести занятие на полуденное время в пятницу. А сейчас... уже две минуты первого. Сорайя как всегда была пунктуальна. Черт. Черт. Черт.

Я соскочила с кровати и принялась натягивать на себя что попало под руку. Пол со стоном открыл глаза.

– Который час? – спросил он сонным голосом. Когда я ответила, он сказал с улыбкой: – Я рад, что ты начинаешь перенимать мои богемные привычки.

Вообще-то, за все время пребывания в Эс-Сувейре мы проспали впервые. Обычно Пол старался приходить в кафе к одиннадцати, чтобы запечатлеть сук в самый разгар активности.

– Сорайя пришла, – сообщила я. – Мы позанимаемся внизу.

– Не заморачивайся. Занимайтесь, как обычно, в гостиной. Через двадцать минут я уйду.

Я быстро оделась и впустила Сорайю, извинившись перед

ней за небольшую задержку. Пока она раскладывала на столе в передней комнатке учебники, ручки и тетради, я побежала вниз и попросила, чтобы нам принесли в номер кофе, хлеб и варенье. Вернувшись, я услышала шум воды в ванной. У Сорайи вид был смущенный – видимо, она нервничала оттого, что совсем рядом, за стенкой, плещется под душем нагой мужчина.

– Прости, прости, – извинилась я. – Нужно было предложить позаниматься в другом месте.

– Пустяки. – Но я видела, что с моим возвращением она вздохнула свободнее. – Ну что, начнем?

Мы стали обсуждать глагол «*vouloir*» – «хотеть» – и варианты его употребления. Особенно в условном наклонении. *Хотелось бы*. Глагол, выражающий вдохновенную надежду. Я принялась спрягать:

– *Je voudrais un café... voudrais-tu un café?... il voudrait réussir... nous voudrions un enfant...*⁵¹

В этот момент дверь в спальню отворилась, и появился мой муж – одетый, с влажными волосами после душа. Он широко улыбнулся нам в знак приветствия и произнес:

– *Tout à fait, nous voudrions un enfant.* – Пол подошел и поцеловал меня в губы. *Абсолютно верно, нам хотелось бы иметь ребенка.*

---

⁵¹ *Je voudrais un café... voudrais-tu un café?... il voudrait réussir... nous voudrions un enfant...* – Мне хотелось бы кофе... тебе хотелось бы кофе?.., ему хотелось бы добиться успеха... нам хотелось бы иметь ребенка... (фр.)

Потом, поздоровавшись с Сорайей, он осведомился у нее по-французски:

– Как успехи у моей жены?

– Потрясающие. У нее талант к языкам. И она большая труженица.

– Этого у нее не отнять.

– Вы слишком высокого мнения обо мне, – возразила я.

– Она себя недооценивает, – заметил Пол. – Может быть, вы, Сорайя, поможете ей поверить в себя.

Я сообщила ему, что завтрак принесут через минуту, но увидела, что он уже взгромоздил на спину рюкзак с альбомами и карандашами.

– Меня Фуад покормит. Найди меня после занятия. *Je t'adore*⁵².

Пол поцеловал меня в губы на прощание и ушел.

Едва дверь за ним закрылась, Сорайя, глядя в сторону, произнесла:

– *Je voudrais un homme comme votre mari.*

– *Mais plus jeune?* – добавила я.

– *L'âge importe moins que la qualité.*

Мне хотелось бы встретить такого человека, как ваш муж.

Но моложе?

Возраст не имеет значения. Главное, чтоб человек был достойный.

---

⁵² *Je t'adore.* – Я тебя обожаю (фр.).

– Уверена, вы обязательно встретите своего достойного человека, – сказала я ей.

– А я не уверена, – почти шепотом возразила Сорайя. И потом: – Ну хорошо. Теперь *essayer* в сослагательном наклонении. Дайте мне пример в первом лице единственного числа.

Подумав с минуту, я сказала:

– *Il faut que je voudrais d'être heureux.*

Мой ответ разочаровал Сорайю.

– Я должна хотеть бы быть счастливой, – в точности перевела она мою фразу. – Вы способны на большее.

– Простите. Проблема в употреблении сослагательного наклонения с «хотелось бы». Как вы правильно заметили, «хотелось бы» чего-то с глаголом «должна» не вяжется.

– Значит, если речь идет о том, что вы хотите счастья...

– *Je voudrais le bonheur*⁵³.

– Правильно. А в сослагательном?

– Вместе *vouloir* я употребила бы *essayer*. Пытаться. Например: «*Il faut que je essaie d'être heureux*». Я должна попытаться быть счастливой.

Сорайя снова помолчала в задумчивости.

– Ключевое слово здесь «пытаться», да? – рассудила она.

Принесли завтрак, Сорайя выпила со мной кофе. В час дня урок был окончен. Я расплатилась с ней за неделю и пожелала ей удачи в Марракеше.

---

⁵³ *Je voudrais le Bonheur*. – Мне хотелось бы счастья (фр.).

– Говоря между нами, подруга хочет познакомить меня с одним человеком, французом. Он работает в банке, в «Сосьете Женераль». Родителей он устроит наполовину – как работник банка, но не как француз. Однако я забегаю вперед, да?

Потом, сказав, что увидится со мной в понедельник в обычное время, Сорайя отправилась на свой уик-энд – на встречу с французом, который, возможно, станет для нее проводником в новую жизнь. Главное, не терять оптимизма, и все получится.

После ухода Сорайи я прошла в ванную и долго стояла под душем. Потом, одеваясь во все чистое, подумала, что, если потороплюсь, успею вместе с Полом пообедать в кафе «У Фуада». Однако по пятницам я просматриваю свою электронную почту и сейчас решила, что быстренько ознакомлюсь с корреспонденцией этой недели, ну а потом уж на базар.

Первое сообщение, что попало мне на глаза, было послано всего двадцать минут назад моим неизменно дотошным бухгалтером Муртоном. В нем говорилось следующее:

Теперь, когда мы уладили проблемы вашего мужа с налоговой инспекцией, я пытаюсь привести в порядок его финансовые документы, чтобы нам не пришлось это делать в спешке в следующем году, когда придет время снова платить налоги. Как вам известно, все свои квитанции, инвойсы, отчеты по кредитным

картам он скидывает в отдельную папку, что вы ему выделили. Так вот, в среду я начал разбирать их и сегодня утром наткнулся на один любопытный инвойс. Раздумывал, послать вам его сейчас или показать через несколько недель, когда вы вернетесь, и в конце концов решил, поскольку здесь затронут морально-этический аспект, что лучше внести ясность немедленно.

Я открыла прикрепленный файл и увидела счет на оплату от некоего доктора Брайана Бойярдса, врача-уролога. Счет был выставлен пациенту по имени Лейен, Пол Эдвардс. Его дата рождения – 04-11-56 – соответствовала той, когда родился мой муж. И указанный домашний адрес тоже соответствовал месту его проживания. Ему принадлежал и полис медицинского страхования компании «Синий крест/Синий щит», за счет которого он покрыл 80 процентов стоимости – \$ 2,031.78 – медицинской услуги, обозначенной в счете.

Бескальпельная деферентэктомия в амбулаторных условиях.

Что еще за деферентэктомия?

Я вывела на экран «Гугл» и в поисковой строке напечатала запрос.

И выяснила, что деферентэктомия – медицинский термин, коим обозначают весьма распространенную урологическую операцию... также известную как вазэктомия.

И как вы думаете, когда же моему мужу была сделана «бескальпельная деферентэктомия в амбулаторных услови-

ях»? Седьмого сентября прошлого года. Примерно в то самое время, когда мы оба решили, что начнем пытаться зачать ребенка.

Глава 9

Я сидела перед компьютером и все пыталась убедить себя: то, что я сейчас прочитала, нелепая ошибка. Ложь. Подделка, сфабрикованная неким злопыхателем, который хочет разрушить мой брак.

Однако неопровержимые доказательства – счет на оплату, выставленный врачом после проведенной хирургической операции, – на то и неопровержимые, что с ними не поспоришь. Ситуация, схожая с той, в какую угодил один мой клиент, за год просадивший в Интернете на порносайтах десять тысяч долларов, которые были списаны с его карты «Мастеркард». Все списания произвела «Фэнтези промоушнс инк.», все – в ночное время. Жена моего клиента, увидев отчет по его карте, несколько опешила. Тот стал умолять меня, чтобы я обеспечила ему алиби, придумала толковое объяснение, а я ответила: «Как вы объясните более ста пятидесяти сделок, заключенных с онлайн-компанией под названием “Фэнтези промоушнс инк.” после полуночи? Какая тут может быть гибкость? Это дымящийся пистолет».

Странно, что тот клиент – позже жена развелась с ним через суд, лишив его права добиваться пересмотра судебного решения, – вспомнился мне, пока я сидела и тупо смотрела на счет, выписанный врачом-урологом доктором Брайаном Бойярдсом. Все факты были налицо. Факты, которые я,

должно быть, перечитала раз десять, пытаюсь как-то иначе интерпретировать непреложное:

Пациент: Лейен, Пол Эдвард

Дата рождения: 04-11-56

Домашний адрес: 10699 Нью-Йорк, г. Буффало, проспект Олбани, 5165

Полис медицинского страхования: «Синий Крест I Синий щит» A566902566

Процедура: бескальпельная деферентэктомия в амбулаторных условиях

Дата проведения процедуры: 01-09-14

Седьмого сентября прошлого года. Примерно десять месяцев назад. Через несколько дней после Дня труда, который мы, как и предшествовавшие выходные, провели в принадлежавшем нашим друзьям домике в лесу, на берегу озера Плэсид⁵⁴. Мы с мужем занимались сексом по два раза в день. И как-то раз, после ужина при свечах в близлежащей таверне, я заявила, что, поскольку мы вместе уже два года, а мне скоро исполняется сорок лет, я хочу отказаться от приема противозачаточных таблеток... хотя, по словам моего гинеколога, возможность забеременеть у меня появится не раньше чем через две недели.

Пол не побледнел, не пригрозил, что поступит на службу в торговый флот. Напротив, сказал, что общий ребенок

---

⁵⁴ Озеро Плэсид (Lake Placid) – озеро в горах Адирондак, принадлежащих горной системе Аппалачи. Находится в штате Нью-Йорк (США).

– «обязательное связующее звено между двумя любящими сердцами» или что-то столь же напыщенное. Но по возвращении в Буффало однажды вечером Пол вернулся из тренажерного зала, чуть хромя, и объяснил, что он потянул мышцу в паху и опасается, как бы у него не образовалась грыжа. Разумеется, я проявила понимание, и мы несколько дней воздерживались от секса. Потом Пол сказал, что завтра он намерен проконсультроваться у врача университетской больницы. Вернувшись домой в тот вечер, он сообщил, что у него «лишь небольшое выпячивание в паховой области» – это его точные слова – и ему порекомендовали не раздражать грыжевый мешок и пожить без секса еще неделю. Что мы с сознанием долга и сделали.

И вот теперь, по прошествии стольких абсурдных месяцев, я, зайдя на сайт доктора медицины Брайана Бойярдса, читала про эту вроде бы простую хирургическую операцию, которую делают без медицинских показаний.

В США ежегодно процедуре вазэктомии подвергаются более 500 000 мужчин.

Вазэктомия – простая безопасная хирургическая операция, проводимая с целью блокировки мужской репродуктивной способности. Трубочка (называемая протоком), ведущая от яичка, рассекается и перевязывается, чтобы воспрепятствовать попаданию сперматозоидов в семявыбрасывающий канал.

Обычно такая операция длится 10–20 минут.

Поскольку в результате данной процедуры лишь прекращается поступление сперматозоидов в семенную жидкость, гормональная функция не претерпевает изменений – сохраняется и половое влечение, и мужская потенция.

Бескальпельная вазэктомия – это техника пересечения семявыносящих потоков через единственный прокол, который делается в мошонке. По окончании операции наложение швов не требуется.

Главное отличие бескальпельного метода от традиционного состоит в том, что хирург обрабатывает семявыносящий проток менее травматическим способом. Как следствие, вазэктомия без использования скальпеля причиняет меньше боли и чревата меньшими осложнениями.

Эта операция проводится под местной анестезией с применением препарата «ксилокаина» (аналога «новокаина»).

При бескальпельной вазэктомии проходимость семявыносящего протока блокируется столь же эффективно, как и путем традиционного инцизионного метода.

Бескальпельная вазэктомия – это просто более элегантный и щадящий способ пересечения семявыносящих протоков.

Значит, мой муж лишил меня всякой возможности зачать от него ребенка, добровольно подвергнув себя стерилизации путем «более элегантного и щадящего способа пересе-

чения семявыносящих протоков». Лишил ребенка, о котором я мечтала.

Я зажмурилась, испытывая одновременно опустошенность и испепеляющий гнев.

«Tout à fait, nous voudrions un enfant».

Вот сволочь. Ведь он сказал это не далее как сегодня в полдень. И долгие месяцы пудрил мне мозги, уверяя, что я обязательно не сегодня завтра забеременею...

Всхлипывая, я захлопнула крышку компьютера. У меня было такое ощущение, что я лечу в пропасть. До того я была ошеломлена. Ошарашена. словно эта новая жизнь, что мы с ним строили вместе, оказалась просто карточным домиком. Возведенным на лжи человека, которому я по глупости доверяла. Как так получилось, что я – мисс Эксперт-криминалист, мисс Сверхскруплезность, мисс Сверхосновательность – не учуяла обмана за всеми его словами о душевной преданности?

Ответ на этот вопрос я знала.

Мы видим только то, что желаем видеть.

Я с самого начала понимала, что Пол Лейен в существе своем не способен быть по-взрослому ответственным человеком. Но, соблазненная его богемностью, романтикой наших отношений, галлюциногенным сексом, я предпочитала смотреть сквозь пальцы на этот его «маленький» недостаток. Мне так отчаянно хотелось любви, что все свои сомнения я запихнула в дальний уголок сознания и с головой окунулась

в иллюзию семейного счастья, представляя, как буду растить ребенка с человеком...

Каким? Каким?

Какое определение дать ему теперь? Если он предал меня в самом главном, если он умышленно стерилизовал себя, уверяя меня в том, как страстно он жаждет, чтобы у нас с ним был общий ребенок...

Я прошла в ванную. Умылась холодной водой, отводя взгляд от зеркала. Не хотела сейчас смотреть на себя трезвым взглядом. Я вернулась в комнату и вышла на балкон, глядя на раскинувшийся внизу североафриканский мир. *Это могло бы подождать до нашего возвращения, Мортон.* Но похожий на раввина порядочный Мортон, вне сомнения, долго взвешивал все «за» и «против», прежде чем направил мне счет от уролога. И в конце концов решил: карты на стол. Но вот чем думал мой неорганизованный муж, кладя счет на оплату от врача в папку с финансовыми документами? Видать, не сообразил, что рано или поздно этот счет попадетс я мне на глаза, ведь я же его бухгалтер.

Я вцепилась в перила балкона, чтобы не потерять равновесие: меня качало от ярости, в которой тонули и грусть, и сожаление. Постепенно ко мне вернулась способность мыслить ясно. Я возвратилась в комнату, к своему компьютеру. Открыла его и по электронке быстро написала сообщение Мортону:

Говорят, знание – сила. Но зачастую оно приносит

столько горя – не передать. Пожалуйста, пощи отчет по его «Мастеркарду» за сентябрь 2014 года, посмотри, есть ли платеж на \$400 доктору Брайану Бойярдсу, которые не покрывает страховка. Потом отсканируй и пришли мне. Скорей всего, в ближайшие дни я уже буду в Буффало. Одна.

Ожидая ответа, я достала наши авиабилеты и выяснила (порывшись в Интернете), что «Ройял Эр Марок» посадит меня на другой, более ранний рейс, если я доплату 3000 дирхамов – примерно 350 долларов. Да, я оплатила отель за весь месяц, но ведь мы живем здесь уже третью неделю. Пол пусть остается, заканчивает работу над своими рисунками, снова возвращаясь к холостяцкой жизни. Я была уверена, что именно такого исхода он желал в душе. Делая тайком от меня вазэктомию, он наверняка понимал, что рано или поздно обман откроется. Наверняка он просчитал, что, скажем, через год безуспешных попыток забеременеть я настою на том, чтобы мы обратились в клинику для больных бесплодием. И тогда...

Дзинь. Сообщение от Мортонa.

Нашел. Скан в прищепе. Можешь на меня рассчитывать. Сделаю все, что в моих силах, – только попроси. Не падай духом...

Я снова расплакалась и сквозь всхлипы услышала тихий стук в дверь.

– Убирайся к черту, – крикнула я, уверенная, что это Пол.

Однако зачем Пол стал бы стучать, ведь у него есть ключи? Я мгновенно вскочила на ноги, прошла в переднюю комнату, открыла дверь в номер. В коридоре стояла юная девушка, которая убирала наш полулюкс и стирала наши вещи. Лицо у нее было пепельное и испуганное.

– *Mes excuses, mes excuses*, – извинилась я, беря ее за руки. – *Je suis... dévastée*⁵⁵.

Я выпустила ее руки и вернулась в номер, пытаясь подавить рвущиеся из меня рыдания. Не расклеивайся. Не расклеивайся. Девушка исчезла – скорей всего, убежала вниз, испугавшись вида сумасшедшей женщины на грани нервного срыва.

Снова в ванную. Еще раз умылась. Глаза были красные. Я вернулась к столу, нацепила на нос солнцезащитные очки, схватила свой паспорт, блокнот, распечатку своего авиабилета, кошелек и кредитные карты. Запихнула все это в сумочку и пошла к выходу. Спускаясь вниз, вытащила на ходу стодирхамовую купюру. Девушка топталась у подножия лестницы. Было видно, что она со страхом ожидает моего приближения, недоумевая, что еще я могу выкинуть.

– Я очень сожалею, – сказала я, сунув ей в руку банкноту. – Получила сегодня неприятные известия. Прости меня, пожалуйста.

Девушка выпучила глаза, увидев, сколько денег я ей дала –

---

⁵⁵ *Mes excuses, mes excuses. Je suis... dévastée.* – Прости, прости. Я... очень расстроена (фр.).

двухдневное жалование, по словам Сорайи, – и прошептала:

– *C'est trop... Ce n'est pas nécessaire...*

– *Si, c'est nécessaire... Et merci pour ta gentillesse.*

– *J'espère que tout ira bien, madame*⁵⁶.

– *On verra*, – сказала я. *Поживем – увидим.*

И я выскочила на послеполуденное пекло.

Через две улицы от отеля находилось интернет-кафе. Я вошла туда и спросила у парня лет двадцати пяти с сигаретой в зубах, торчавшей из уголка рта – со скучающим видом он отстукивал ритм какой-то местной поп-песни, – есть ли у него принтер.

Парень показал на старенький аппарат.

– Страница – два дирхама, час работы за компьютером – десять дирхамов. Заплатить можете потом.

В отеле были принтер и компьютер для постояльцев, которыми я могла бы воспользоваться. Но я побоялась, что документы, которые я собиралась распечатать, кто-то либо увидит, либо копирует. Я вошла в сеть и распечатала счет от врача, скан отчета по кредитной карте Пола и информацию о бесскальпельной вазэктомии с сайта доктора Бойярдса. Потом я открыла сайт авиакомпании «Ройял Эр Марок» и по своей кредитной карте забронировала для себя билет на завтрашний прямой рейс до Нью-Йорка; самолет вылетал из Ка-

---

⁵⁶ – *C'est trop... Ce n'est pas nécessaire...* – Это слишком много... Не нужно ((фр.).) – *Si, c'est nécessaire... Et merci pour ta gentillesse.* – Нужно. И спасибо за твою любезность ((фр.).) – *J'espère que tout ira bien, madame.* – Надеюсь, у вас все будет хорошо ((фр.).)

сабланки в полдень и прибывал на место в 2.55 дня (с учетом пятичасовой разницы во времени). Затем я переключилась на сайт авиакомпании «Джет Блю» и забронировала билет на рейс из аэропорта имени Джона Кеннеди до Буффало. После по электронной почте направила последнее письмо Мортону:

*Прилетаю завтра в 9 вечера. Если встретишь меня и довезешь до дома, честь тебе и хвала. И если знаешь хорошего адвоката по бракоразводным процессам...
Остальное при встрече.*

Спустя три минуты... дзинь... от Мортонa пришел ответ:

Встречу тебя и поедem в «Э. Б. Грине» есть филей и пить martини. Несколько бокалов горячительного тебе не помешает. Держись.

Мортон был отличным другом, да к тому же принадлежал к числу немногих бухгалтеров-евреев, которые любили выпить. По отношению ко мне ему нравилось выступать в роли старшего брата, но он ни разу не разыграл карту «А я тебе говорил» в том, что касалось Пола. Я знала с самого начала, что Мортон не одобряет мой выбор спутника жизни. Однажды он мне заявил: «Раз ты и сама понимаешь, что выходишь замуж за Винсента Ван Гога, даю тебе свое благословение». Но после того предостережения он слова дурного не сказал о моем супруге. Мортону было известно, что я мечтаю о ребенке. А Пол обещал...

Меня снова начинало трясти. Закрыв глаза, я усилием во-

ли заставила себя хотя бы внешне сохранять спокойствие. Потом встала, собрала распечатанные документы и расплатилась с парнем за стойкой, имевшим располагающе мечтательный вид. От его взгляда не укрылось, что я пребываю в смятении.

– *Ça va, madame?* – спросил он.

Я лишь пожала плечами и ответила:

– *La vie*⁵⁷.

Я посмотрела на часы. Пол ждал, что с минуты на минуту я объявлюсь в кафе «У Фуада» и мы вместе пообедаем. Поэтому избегая улиц, которые пролегали через центр сука, я кратчайшим путем добралась до узенького немощенного прохода, ведущего к центральным воротам. Выйдя за стены медины, я приготовилась отбиваться от своры назойливых торговцев, которые, как стервятники, налетали на всякого неподготовленного иностранца (особенно на одиноких женщин), но сегодня, когда один такой – потный толстый мужчина с традиционной елейной улыбкой на лице – приблизился ко мне и предложил: «Прекрасная леди не желает показаться на верблюде?», я просто выставила вперед ладонь, как регулировщик, и рявкнула по-арабски одно слово: «*Imshi*». *Исчезни*. В лице мужчины отразился испуг. А мне так стыдно стало. Я приподняла на лоб очки, показывая ему заплаканные глаза.

– *Mes excuses, madame*, – извинился мужчина.

---

⁵⁷ – *Ça va, madame?* – Все хорошо, мадам? – *La vie*. – Здесь: как в жизни (*фр.*).

– *Je m'excuse aussi*⁵⁸, – сказала я и поспешила к автовокзалу, уклоняясь от женщин, навязывавших расшитые льняные изделия, от малышей, продававших дешевые сладости, и двенадцатилетнего мальчишки на мопеде, зазывавшего меня: «Леди, леди...»

На автовокзале я минут двадцать простояла в очереди: почему-то все, мне казалось, слишком подолгу разговаривают с кассиром. Наконец я подошла к кассе и выяснила, что завтра рано утром отсюда идет автобус-экспресс до аэропорта Касабланки: отходит в 6.00, прибывает на место в 9.45. За 50 дирхамов я купила билет в один конец, и меня предупредили, чтобы я была на вокзале не позже 5.30 утра.

– *Entendu*, – ответила я. *Ясно*.

На самом деле теперь ясности не было никакой, ничто не поддавалось разумению. Меня снова затрясло. Я взглянула на часы: 2.18. Пол, наверно, недоумевает, куда я подевалась; может, пойдет искать меня в гостиницу. Или, напротив, решит, что меня куда-нибудь занесло, как это порой бывало. Я надеялась, что время на моей стороне. Вернусь в отель, соберу свои вещи, оставлю ему неопровержимую улику, короткую записку, и отправлюсь на долгую прогулку по побережью. А потом...

---

⁵⁸ *Je m'excuse aussi*. – Вы тоже меня извините (*фр.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.